

Алексей Гридин

РУБЕЖ

Фантастические рассказы

Алексей Гридин

Рубеж

«Издательские решения»

Гридин А.

Рубеж / А. Гридин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905613-9

Классическая фантастика, фэнтези, немного мистики. От ранних проб пера до рассказов, публиковавшихся в журналах и сборниках «Эксмо» и других издательств.

ISBN 978-5-44-905613-9

© Гридин А.
© Издательские решения

Содержание

Рубеж	6
Средисловие	21
Равные шансы	22
...умирает последней	30
Проще простого	39
Дверь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рубеж

Алексей Гридин

© Алексей Гридин, 2018

ISBN 978-5-4490-5613-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рубеж

К вечеру небо заволокло тучами. С востока, там, где проплывающие облака царапались о горы, похожие на шипастый драконий хребет, взрыкнул гром – раз, другой, третий. Лиловый отсвет молнии блеснул в окне.

В доме Доннерветтеров заканчивали ужинать.

– А вот интересно, – как бы просто так, ни к кому не обращаясь, спросила Клара, – что они сейчас делают?

Клара не пояснила, какие такие «они» имелись в виду, однако в этом доме принято было понимать друг друга с полуслова.

– Ага, мать, правильно ты говоришь – интересно, – поддакнул дед Авессалом, который, несмотря на свою глухоту, расслышал, что сказала его жена. – Сынок, ты бы глянул в шар...

– Да что в него глядеть? – беспечно отозвался Эджернон, гоня вилкой по тарелке маринованный опенок. Зубцы вилки тщетно скрипели о фарфор, скользкий гриб не сдавался, суеливо мечась туда-сюда. – Что глядеть-то? – повторил Эджернон. – Я и так вам скажу: маршируют.

– Почему ты так думаешь, братец? – спросила Мария-Роза.

– Да потому что у них там империя, – пояснил Эджернон, одновременно наконец одерживая победу над опенком. С маслянистым чмоканьем добыча была насажена на вилку и отправлена в рот. – Маршировать – это то, что в империях умеют делать лучше всего.

Словно бы в подтверждение его слов, гром ненадолго смолк, и вместо него ветер принес с востока рокот барабанов. В нем пульсировала скрытая угроза. «Берррегись, – выводили барабаны, – берррегись. Мы до вас доберррремся. Мы с вами разберррремся».

– Вот научатся ходить строем ровнее, правильно тянуть ногу и орать строевую песню – и пойдут к нам, – продолжил Эджернон, отставил пустую тарелку и положил поперек нее вилку, с помощью которой минуту назад нанес поражение грибам – их так замечательно мариновала Клара Доннерветтер в свободное от спасения мира время. – А опять у тебя, мам, – объеденье. Пальчики оближешь. Мммм.

– А почему песню орут? – поинтересовалась Мария-Роза. – Песни ведь обычно поют, разве нет?

– Строевые песни орут, – пояснил дед Авессалом. – Даже не орут, дорогуша моя, нет, – он назидательно покачал старческим узловатым пальцем, заворочался в кресле-качалке, едва не уронив прикрывавший колени клетчатый плед, и добавил: – Строевую песню выкрикивают во всю глотку. Готовятся. Скоро придут, наверное.

– А все равно не страшно, – вздохнула Клара. – Не они первые. И, к сожалению, последними эти тоже не будут.

Отбросив со лба прядку седых волос и добродушно усмехнувшись, отчего неровные морщинки вокруг хитроватых зеленых глаз на мгновение обратились задорными лучиками, Клара окликнула дочь:

– Милочка, как там наша гостья? Спит еще?

Мария-Роза, разливавшая по высоким хрустальным бокалам подогретое вино, не поворачивая головы, ответила:

– Спит. Да она, мам, до завтра проспит. Умаялась, бедняжка.

– Ты это называешь «умаялась»? – усмехнулся Эджернон. – Девочка несколько дней кружила по пустыне, чтобы обойти имперские посты. Выбралась к нам голодная, полуголая, с солнечным ударом. Как еще дошла – не знаю. Могла там и остаться.

– Да, – протянула Клара, беря бокал и любуясь игрой искорок в рубиновой жидкости, исходящей ароматным парком. – Видели бы вы, какая она была в тот день, когда мы с ней встретились у Рубежа.

Лес наслаждался июлем. Замшелые дубы со скрипом ворочались приземистыми узловатыми телами, честно стараясь и себе добыть еще толику солнечного света, и не обидеть излишне скромный подлесок, который мог застесняться и не найти слов, чтобы попросить стариков подвинуться. Где-то там, где теплый ветер неторопливо перебирал листья в кронах, распевал всюю хор малиновок. Клара Доннерветтер споро шагала по тропинке, с сожалением во взоре оставляя позади то одну, то другую изумрудно-зеленую полянку, испещренную красными точками земляники.

– Стара я стала, ох, стара, – пробормотала Клара, остановившись, и оперлась рукой о ближайший дуб. – Вот помру – кто им ягод-то соберет? Грибы еще кой-как подобрать успеваю, а на ягоду-то и времени не хватает. Ох, не хватает, ребята, на ягоды-то времени.

Бормоча под нос что-то еще в таком роде и непрестанно жалуясь непонятно кому на боли в пояснице, Клара, седенькая благообразная старушка в аккуратном синем с белым платье, довольно бодро зашагала дальше, торопясь успеть к одной ей ведомым потаенным грибным местам, но снова замерла, расслышав чутким слухом обитательницы Рубежа конский топот.

– Ага, – сказала она себе, делая шаг с тропы в сторону густого малинника, где ее кожаные башмачки с бронзовыми пряжками утонули в траве. – Ага. Вот как, значит. Еще один. А может быть, и одна. Ох, как нехорошо это.

Сокрушенно покачав головой, Клара принялась ждать всадника.

Вскоре он настиг Клару. Вернее, не всадник, а всадница. Молодая еще девчонка, поджарая, подтянутая, похожая чем-то на породистую лошадку, точь-в-точь такую, чьи бока сжимали ее стройные ноги. Цепкий взгляд Клары мгновенно скользнул по всаднице, оценивая. Так, костюм для верховой езды – бархатный, черный. Берет – бархатный, черный. Из-под берета струится волна волос – наверняка не бархатные, но тоже черные. Скрипучее кожаное седло – черное как ночь, без единого украшения, даже шляпки крошечных гвоздиков окрашены в тон. И только глаза – зеленые. И только тонкое кольцо на правом указательном пальце – золотое.

– Уйди с дороги, – выпалила девчонка, придерживая лошадь. – Ты меня не остановишь. Ты... Ты... Ты права не имеешь!

– Бог с тобой, девонька. – Клара, стоявшая стороне от тропы и совершенно не мешавшая никому, кто хотел бы проехать, удивленно сморгнула. – Я тебя не держу. Хочешь – дальше езжай, хочешь – разговоры со мной води.

– Знаю я вас, – нервно выкрикнула наездница, удерживая нетерпеливо пританцовывающую на месте лошадь. – Вы, ну, те, которые на Рубеже, – вы все делаете, чтобы не пустить нас туда.

– А зачем тебе, девонька, туда? – мягко поинтересовалась Клара.

– Там, – мечтательно прикрыв глаза, проговорила девчонка, – свобода. Там нет жестоких стискивающих рамок общества, угнетающего истинно вольных людей. Там всякий является тем, кто он есть на самом деле, а не тем, кого выпестовали из него родители, друзья и просто знакомые. Только там ты можешь делать то, что хочешь, а не то, что нужно. Там тебе не говорят «нельзя».

– Ты так складно говоришь, ох, как складно. – Клара улыбнулась доброй, светлой старушечьей улыбкой. – Я аж заслушалась.

– Да, – девчонка гордо выпрямилась в седле. – Меня ждет Темная Империя. Я еду в страну, где царит Тьма, потому что только во Тьме – настоящая свобода и настоящее творчество.

– А скажи мне вот еще что, девонька. – Клара все еще улыбалась, но было что-то в ее голосе, что заставило девчонку напрячься. – Ты вот, к примеру, рисовать умеешь?

– Ну, умею, – опасливо буркнула всадница.

– Так вот, как-нибудь ночью, когда вокруг эта самая твоя тьма, возьми листок бумаги да карандаш. А потом погаси свечу, закрой глаза – и рисуй. Во тьме. И утром подумай, что у тебя с твоей Тьмой выйдет: творчество или мазня да каракули, ох, получше подумай.

– Да ты... – задохнулась от гнева девчонка.

– Езжай, – сказала Клара, уже не улыбаясь. – Я не держала тебя и не держу. Ты выбрала путь – так езжай или выбрось из головы всю эту дурь про Тьму и свободу и возвращайся домой, к папе и маме.

Девчонка ничего не ответила, лишь прищипорила лошадь, обрадовавшуюся, что ее больше не сдерживают, и помчалась по тропе, уводящей на восток.

Утром следующего дня, когда семейство Доннерветтеров в полном сборе сидело вокруг древнего массивного стола с резными ножками, изображавшими львиные лапы, и за неспешной беседой пило полуденный чай с непременными сушками, их посетил гость. Сначала раздался вежливый стук в дверь, а затем, когда дед Авессалом, несмотря на свою глухоту, расслышавший стук дверного молотка, крикнул: «Входите, не заперто!», дверь открылась, и через порог с легким поклоном переступил неожиданный визитер.

Это был высокий темноволосый молодой человек лет двадцати, в ярко-вишневом камзоле, из-под которого пенными волнами стекали ослепительно белые кружева изящной рубашки. Вишневость камзола перечеркивалась, словно небо молнией, темно-синей, усыпанной золочеными бляшками перевязью, на которой висела шпага в скромных (на удивление) ножнах. Возможно, что поклонился он, проходя в дверь, потому что боялся задеть притолоку пыльным плюмажем из страусиных перьев, венчавшим шляпу.

– Рад приветствовать вас, господа. – Гость еще раз поклонился, отточенным движением сдернул шляпу с головы и, зажав ее в руке, небрежно взболтнул шляпой воздух. Страусиные перья метнулись по безупречно чистому полу, с утра вымытому Марией-Розой. – Я – Леобальд Таммер, возможно, вы слышали обо мне.

Леобальд Таммер выжидательно замолчал, словно ожидая, что хозяева ахнут: «Да что вы говорите! Сам Леобальд Таммер! Не может быть!» Однако встретил он лишь внимательную тишину. Дед Авессалом, Клара, Эджернон и Мария-Роза доброжелательно глядели на гостя.

– Ну, впрочем, – Леобальд улыбнулся несколько натянутой улыбкой из-под черных щегольских стрелочек усов, – слава о моих подвигах еще не достигла вашего участка Рубежа. А еще вы можете знать меня под одним из моих прозвищ: Спаситель, Победитель, Сокрушитель, Десница Света – их много, видите ли.

– Проходите, проходите, – неожиданно засуетилась Клара. – Что ж вы, дорогой Леобальд, у порога-то стоите? Ох, что ж мы сразу-то не сообразили. Вы к столу присаживайтесь. Мы сейчас чаю... Мария-Роза, милочка, чашку подай.

Но Мария-Роза и сама уже поняла, что нужно сделать. Она выскользнула из кресла и поставила на стол чашку из почти просвечивающего легчайшего фарфора, расписанную маленькими росчерками чаек, летящих над пенящимися волнами. Эджернон тем временем придвинул к столу еще одно кресло.

– Да, спасибо, – вновь поклонился гость и сел за стол. – Чай? Да, конечно, горячий и без сахара. Сушки? Несомненно, и варенье тоже. Благодарю вас.

Леобальд Таммер изящной серебряной ложечкой положил варенья в крохотную хрустальную розетку, отхлебнул горячего ароматного чая и откинулся на спинку кресла.

– Чай... Чайки... – мечтательно произнес он, осторожно, двумя пальцами держа тонкую чашку. – Хорошо тут у вас, на Рубеже. Идиллия.

Последнее слово он произнес с отчетливой иронией.

Хозяева продолжали выжидательно молчать.

– Ну да, – едва уловимой улыбкой сверкнул из-под усов Леобальд. – Конечно, я не чай пришел пить. Я хочу поговорить о делах.

– О делах? – переспросил дед Авессалом, приставляя ладонь к уху. – О каких таких делах, молодой человек? Вы чаек-то пейте, пейте, сушки кушайте. О делах не говорят за едой.

– И то верно, – поддержала деда Клара. – Варенье вкусное, сама варила. Мои-то едят и нахваливают, ох, нахваливают.

Клара даже заулыбалась, гордясь своим вареньем.

– Верю-верю, – торопливо произнес гость. – Но, полагаю, останавливаете вы нашествие Темного Властелина отнюдь не вареньем, не так ли?

– Конечно, нет, – согласился с ним Эджернон. – Там все по-другому, уж поверьте нам. Но варенье играет в этом не самую последнюю роль.

– Ну что вы мне про варенье! – неожиданно взорвался Леобальд. – Ну как, как варенье может помочь отразить нашествие Темной Империи? Что вы мне какую-то ерунду скормить пытаетесь?!

– Мы вам, дорогой гость, – резко ответила Клара, – скормить пытаемся не ерунду, а сушки и мое фирменное варенье. Но если о варенье вы говорить не хотите, что ж – извольте о делах, сударь наш... Десница Света.

В последние два слова Клара вложила все, что когда-либо в жизни думала о хлыщеватых молодых людях с претенциозными прозвищами.

– Хорошо, – успокаиваясь, сказал Леобальд. – Я пришел поговорить с вами о том, как уничтожить Темную Империю.

– Уничтожить? – удивленно переспросил Эджернон. – Зачем?

– Как зачем? Как зачем?! – гость вскипел как чайник. – Не будет Империи – никто не будет нападать на Рубеж, разве не понятно?

Дед Авессалом задумчиво покачал головой и шумно отхлебнул чаю.

– Так-то оно так, – протянула Клара.

– Только... – добавила Мария-Роза, но дальше не произнесла ни слова.

– Как у вас все просто получается, – сказал Эджернон. – Уничтожьте Империю, и настанет тишь да гладь.

– Конечно, – заявил Леобальд. – Ведь это очевидно: не будет Империи – не будет войн. Не будет войн – будет счастье, мир и покой.

– Позвольте напомнить вам, сударь, – сухо проговорила Клара, – откуда берется население той самой Темной Империи.

– Как откуда? – перебил Клару гость. – Как и все прочие люди, их мамы рожают.

– Не совсем так, ох, не совсем. Вы забыли, дорогой гость, что Рубеж изначально был задуман не только как защита от нашествий с той стороны. Рубеж – это, если хотите, фильтр. Он пропускает людей беспрепятственно, но только в одну сторону. Тебе не нравится, как складывается жизнь, тебя кто-то обидел, ты считаешь, что люди вокруг живут не так, как надо, тебе не хватает свободы – и тебя никто не держит. Так ведь, сударь наш Леобальд?

Тот кивнул, соглашаясь.

– Любой, ох, любой человек может сесть в седло и уехать на восток, туда, – Клара махнула рукой в сторону окна, за которым таяли в туманной дымке далекие горные отроги. – Человек свободен, и если он хочет чего-то другого, не того, чего желают остальные, он всегда волен уйти и строить жизнь так, как нравится ему и только ему. Чем они занимаются там, на востоке, это уже не наше дело.

– Как это не наше! – снова перебил старушку Леобальд. – Да они же...

– Помолчите, сударь, – прервала его Клара.

Она вскочила на ноги, уперла маленькие пухлые ручки в бока, но совершенно не выглядела смешной или несерьезной.

– Вы пришли говорить с нами – так извольте и нас слушать, не перебивая. Так вот, у людей, там, в Империи, есть свое право на свободу, и они могут быть свободными сколько угодно. Там, у себя, за пустыней, за горами. И мы не будем им мешать. Но когда они снова соберут войска, решив, что хотят принести свою свободу нам и тем, кто живет за Рубежом, – вот тогда мы, как всегда, остановим их. Любой ценой. Мы не будем уговаривать их и упрасшивать остановиться. Если они придут с мечом, то от меча и погибнут. Так будет всегда, сударь Леобальд, но никогда, слышите, ох, никогда Рубеж не двинется на Империю.

– Но почему? – удивленно спросил Леобальд. – Я все равно не понимаю – почему? Хотите, могу по слогам сказать это слово – по-че-му?

– Потому что у них действительно есть право быть свободными, – пояснила Клара. – Пусть их представление о свободе не такое, как наше, пусть на самом деле – и мы с вами это прекрасно знаем, ох, слишком даже прекрасно – их свобода оборачивается мундирами и маршами, так вот, пока их свобода не задевает нас, пусть играют в нее, сколько хотят. Пусть носятся со своей Тьмой, пусть доказывают нам и друг другу, что не бывает Света без Тьмы, что только во Тьме настоящая романтика, что одна лишь Тьма делает человека действительно свободным. Тот, кто поверит, – уйдет, и мы никого не будем держать. Но обратно вернется лишь тот, кто придет один и без оружия.

– А еще мама не сказала, – добавил Элджернон, – что если уничтожить Империю, то никуда не исчезнут все те люди, которые каждый год уезжают на восток. Не будет Империи – они останутся среди нас. С теми же мыслями и с теми же идеями. А многие станут совершать те же поступки.

– Да, – добавила Мария-Роза, стараясь не встречаться глазами с пылающим взглядом Леобальда. – Давайте будем честными: если уничтожить Империю, она, на самом деле, никуда не исчезнет. Империя просто поселится здесь, и та Тьма; с которой вы призываете бороться именно такими методами, будет жить рядом. По соседству. Будет ходить к нам в гости, звать нас на чашку чая, жениться на наших детях. И постепенно мы сами станем Темной Империей.

Все замолчали.

– Ну знаете ли, – потрясенно пробормотал Леобальд по прозвищу Десница Света. – Это очень необычный взгляд на вещи. Очень, знаете ли, необычный. Но как вы можете рассуждать так? Вы же светлые, вы должны бороться с Тьмой...

– Как-как ты нас назвал? – переспросил глуховатый дед Авессалом. – Светлыми? Мы, сударь Леобальд, не светлые. Мы – добрые. То-то же.

И в это время скрипнула дверь.

В гостиную едва слышно скользнула девушка, темноволосая, зеленоглазая. Простое коричневое платье явно было подобрано для нее наспех. Девушка смотрела настороженно, словно каждое мгновение ожидала какого-то подвоха.

– Можно... – тихо начала она.

– Конечно, девонька, – засуетилась Клара. – Проснулась наконец-то, бедняжка? Элджернон, бездельник, быстро кресло. Мария-Роза, тарелку. Дед, передай сюда вон ту кастрюльку, да-да, именно эту, с красной каемочкой. И сковороду прихвати тоже. А ты, милая, заходи, садись и ничего не бойся. Ох, ничего, я это тебе серьезно говорю. Лучше тебе? Голодная небось?

На слове «ничего» Клара сделала ударение.

Девушка опасливо кивнула, приближаясь к столу. Леобальд глядел на нее во все глаза.

– Она – оттуда? – прошептал он так громко, что слышали все.

Девушка остановилась. Всех обитателей дома Доннерветтеров она уже видела вчера, когда пришла в лес Рубежа после побега из Темной Империи и недельного блуждания по пустыне, но этот человек был ей незнаком, и она смотрела на него с подозрением.

– Не стой, садись, – снова заворковала Клара. – Садись, девонька, не обращай внимания на этого молодого человека.

– Да-да, – проворчал дед Авессалом, – не слушай его, девонька. А вы, сударь Леобальд, ее не смущайте. Оттуда, отсюда – какая разница. Главное, теперь она с нами.

– И вы ей верите?! – гневно взвился Леобальд Таммер. – Да она же... Да вы... Она вас при первой возможности отравит или горло во сне перережет, одному за другим. Это же наверняка какой-то умысел! Они в Темной Империи все такие. Властелин прикажет – они выполняют.

Девушка все же подошла к столу, одной рукой оперлась на резную спинку кресла, накрыла узкой ладонью круглый, выглаженный мастерством резчика и течением времени набалдашник. Полуприкрыв глаза, нырнула другой рукой в вырез платья и рывком сдернула с шеи тонкую цепочку, на которой висел небольшой плоский медальон. Бросила блеснувший медальон на стол, он глухо стукнулся об отполированную столешницу.

– Что это? – удивленно спросил Эджернон.

– Яд, – без всякого выражения, как механическая кукла, ответила девушка. – Внутри медальона – яд. Чтобы вас отравить. Мне так приказал Темный Властелин. Правда. Но я не буду. Не хочу. Можно, я теперь пойду?

– Куда? – удивленно спросила Клара, даже не глядя на медальон.

– Обратно. В Империю. Я на самом деле бежала отсюда не сама, мне приказали.

– А... – недоуменно проговорила Мария-Роза, – как же насчет того, чтобы покушать? И чай? Варенье – пальчики оближешь. И сушки тоже...

– Варенье! – издевательски выкрикнул, вскакивая с кресла, Леобальд. – Варенье! Сушки! Вы, словно дети, играете в какие-то свои игры, и не умерли вы до сих пор, наверное, только потому, что вам безумно везет! Она же хотела подсыпать вам яду, а вы ее – кормить. И поить чаем.

Эджернон тоже встал.

– Сударь Леобальд, – холодно произнес он. – Это наш дом. Здесь мы решаем, кому предлагать чай. И кому оставаться, а кому уходить. Не кажется ли вам, что наш разговор закончен? И что вам стоит вернуться туда, откуда вы прибыли?

– Так вы меня выгоняете? – задохнулся гость от возмущения. – Меня, борца со Злом, победителя Тьмы, вашего союзника, выгоняете, а она остается... Эта девчонка...

– Жанна, – вдруг сказала девушка.

– Что? – переспросил Леобальд.

– Меня так зовут – Жанна.

День выдался щедрым на гостей. Прошла лишь пара часов с тех пор, как Леобальд Таммер покинул дом Доннерветтеров, невнятно бормоча что-то себе под нос про чудаков и глупцов, и Клара собиралась подавать второй завтрак. Снежно-белые тарелки ровной стопкой встали на краю стола. Рядом с тарелками выстроилась шеренга чашек, за ними вытянулась вереница бокалов на высоких тонких ножках, с виду таких ломких, что и взять-то страшно.

– Мария-Роза, давай побыстрее, – весело крикнула Клара. – Что, масло найти не можешь?

– Не могу, мам, – виновато отозвалась Мария-Роза. – Где ж оно спряталось-то?

– Посмотри вон там, слева, – посоветовала Клара. – Что, тоже нет? Странно.

Клара с Марией-Розой в четыре руки задорно звенели посудой. На столе появлялись, одно за другим, блюда с теплым свежим хлебом, ярко-желтым сыром, таким жирным, что он даже слезился, сочной зеленью, свитой в аккуратные пучки, помидорами и редиской, краснеющими, видимо, оттого, что они такие спелые, а их еще никто не съел.

Жанна, которую никто, конечно, в Империю не отпустил, тихо, как мышка, подошла к женщинам.

– Может, вам помочь? – спросила она.

Клара радостно, словно только этого и ждала, откликнулась:

– Надо, девонька, ох, надо. Вон тот горшочек передай. Ага, а вот и масло, за ним пряталось! Мария-Роза, а мы-то искали, ох, искали, а оно смотри где!

Мария-Роза с улыбкой до ушей, словно то, что масло наконец нашлось, было для нее важнее всего на свете, перехватила у Жанны пузатые горшки, водрузила их на стол.

– Ну вот, – удовлетворенно заключила Клара, – вот все готово. Пора мужчин звать. Ох, девочки мои, пора. Дед, есть иди! Элджернон, поторопись, а то все без тебя слопаем!

И тут что-то черное и пернатое с силой шмякнулось в окно. И еще раз. И еще.

– Ну вот, – проворчала Клара, – этого только не хватало. Хоть бы поесть дали спокойно.

Она направилась к окну и распахнула створки, впуская внутрь большого черного ворона.

– Вот кто к нам пожаловал, – не скрывая недовольства, буркнул дед Авессалом, спускаясь по лестнице, шаг за шагом подкладываявшей ему под ноги свои покрытые коврой дорожкой ступени.

Жанна отступила назад. Потом – еще назад. И еще назад. И так пока не уперлась спиной в стену. На ее лице ясно читался страх.

И даже какая-то случайная туча на мгновение скрыла солнце.

– Властелин Темной Империи, – прокаркал ворон, – требует встречи. Здесь, в этой комнате.

– Требует он, ишь ты, – усмехнулся Элджернон, зашедший в дом с улицы. – Что, родственники, разрешим ему?

– Как обычно, – пожала плечами Мария-Роза. – Да, мам? Чтобы был один, без свиты.

– Еще бы без гнусных замыслов, – вздохнула Клара. – Эй, девонька, – окликнула старушка Жанну. – Чего в угол-то забилась, как заяц? Испугалась, что ли?

– Вы не отдадите меня ему? – прошептала Жанна, все еще прижимаясь спиной к стене. – Не отдадите? Ну пожалуйста, не надо... Я больше не хочу туда...

– Да? – переспросил дед Авессалом, приставляя ладонь к уху. – Не хочешь? А утром кто заявил: уйду, мол, в Империю? А? Не ты, что ль, дорогуша?

– Не пугай ее, – вступилась за Жанну Мария-Роза. – Утром – одно, сейчас – другое.

Она подошла к девушке, взяла ее ласково за узкую холодную ладошку.

– Испугалась?

Жанна кивнула, неровно обрезанная челка упала на глаза.

– Не надо бояться. Это – наш дом, и мы – на Рубеже. У этого Властелина, – слово «Властелин» Мария-Роза произнесла с брезгливостью, – нет здесь силы. Ты уйдешь отсюда только туда, куда захочешь сама. И когда захочешь. Так ведь, мам? Папа? Братец?

– Без вопросов, – махнул рукой Элджернон. – Очевидные вещи даже не обсуждаем. Эй ты, птица!

– Да! – каркнул ворон. – Что мне передать моему господину?

– Как обычно. Все ведь уже сказали. Пусть приходит один и без оружия – тогда и поговорим.

Темный Властелин примчался с востока на черном коне, и черный плащ, подобно крыльям, вился за ним. Стремительно спрыгнув с коня, Властелин дробно простучал подкованными сапогами по крыльцу и, распахнув дверь, оказался в домике Доннерветтеров.

Хозяева его ждали. Только Жанны не было: девушка забилась в свою комнату, боясь даже увидеть недавнего повелителя.

Властелин широкими размашистыми шагами вошел – нет, не вошел, ворвался в гостиную, и черный плащ стремительно летел за ним, словно боясь не успеть, сорваться с хозяйских плеч и остаться в одиночестве.

– Где девчонка? – резко и сухо бросил Темный Властелин, и даже огонь в светильниках задрожал от одного звука его голоса, холодного и безжизненного.

– У себя в комнате, – пояснила Клара, ловко перебирая вязальными спицами петли какого-то будущего не то шарфа, не то свитера и практически не глядя на прибывшего.

– Ага. Точно. Спит, – добавил дед Авессалом.

– Отдыхает, – поддержала родителей Мария-Роза. – Устала, бедняжка, пока через пустыню-то бежала.

– Там же патрулей полно, сами знаете, – вступил в разговор Элджернон. – И все за ней охотились. Немудрено, что она пришла вся в синяках и с вывихнутой рукой.

– Вывихнутая рука – мелочи по сравнению с тем, что ждет ее, когда она вернется, – пообещал Властелин.

– А с чего вы взяли, – все так же глядя в свое вязанье, спросила Клара, – что она вернется? Она вообще-то не хочет.

Темный Властелин запахнулся в плащ и стал похож на огромного коршуна. Лишь белели открытые ладони и бледное худое лицо.

– Я хочу, – ответил он. – Значит, так будет.

– Это у вас там в Империи «я хочу» считается высшим доводом, – спокойно возразил дед Авессалом, доставая трубку и принимаясь ее раскуривать.

Клара не смотрела в его сторону, вновь углубившись в вязанье, но тем не менее окликнула его:

– Дед, ты что это, в доме курить вздумал?

– Ох, мать, извини, – смутился дед Авессалом, пряча трубку обратно. – Ну так вот, господин хороший наш Темный Властелин. Может быть, ваше личное желание и является высшим законом в вашей этой самой Империи, но здесь не Империя, смею напомнить.

– Это пока что.

– Пусть так, – миролюбиво согласился дед Авессалом. – Пускай пока что. Все равно. У девочки тоже есть свое желание. Она, знаете ли, не желает возвращаться. Ей здесь хорошо.

– И вообще, – подхватила Мария-Роза, – говорят, у вас там свобода считается самым ценным, что есть у человека. Она совершенно свободно приняла решение. Все по вашим правилам. Что еще вам нужно, господин Властелин?

Властелин закружил по комнате, взмахивая полами плаща.

– Может, вам чаю предложить? – спросила его Клара, продолжая негромко постукивать спицами.

– Это моя девчонка, – ответил Властелин.

– Ну уж нет, – возразил Элджернон. – Если она свободна, то она – не ваша. Свободный человек – он свой собственный. Так-то вот.

– А может быть, – Властелин прекратил свое кружение по комнате, – может быть, вы все обманываете меня?

– В чем же? – удивленно приподняла седые брови Клара Доннерветтер.

– Да, в чем это? – поддержал ее дед Авессалом, вертя в пальцах так и не убранный трубку.

– В том, что она якобы не хочет возвращаться. Я ведь это только от вас слышу. Ну же, пусть она это сама скажет.

– Она не хочет с вами говорить.

– Это вы так говорите. Если вы честные люди, вам бояться нечего. Пусть девушка сейчас, при всех, скажет, что не вернется, – и я ее отпущу. Насовсем. Честь по чести. Без вопросов. Ну? Как насчет этого?

– А как насчет этого? – усмехнулся Элджернон, доставая из-за пазухи небольшой плоский медальон. – Узнаете?

– Еще бы. – Лицо Властелина перечеркнула ответная усмешка. – Значит, не стала она все-таки.

– Этого довода вам недостаточно? – осведомилась Мария-Роза.

– Нет, – мотнул головой Властелин. – Ее слово. И никак иначе.

– Послушайте, – недоуменно спросил у родственников Элджернон. – А что мы вообще с ним спорим? Ну, не верит он нам – так пускай не верит. Жанну он не заберет, это понятно. Если только в драку не полезет, ну так сколько уже лет мы с ним деремся, и ничего, как-то все наша берет.

– Да ладно, – махнула рукой Клара, откладывая спицы. – Схожу, спрошу у Жанны-то. Может, и передумает девочка, захочет ему что сказать. Ох, вдруг захочет.

Она выбралась из кресла и, шаркая ногами в пушистых домашних шлепанцах по паркету, пошла к лестнице.

– Вы бы присели пока, господин Властелин, – полуобернувшись, предложила она. – Элджернон, кресло!

– Не надо, – скрежетнул Властелин. – Я постою.

– Ну, как хотите.

Вернулась Клара быстро, обнимая за плечи кутающуюся в халат Марии-Розы Жанну. Та шла медленно, опустив голову. Девушке явно не нравилось то, что ей все же придется принять участие в разговоре.

– Здравствуй, Жанна, – сказал Властелин.

– Здравствуйте, – кивнула Жанна, все так же не поднимая взгляда.

– Мне тут сказали эти уважаемые люди, – рука Властелина описала неторопливый полукруг, по очереди указывая на каждого из хозяев, – что ты не хочешь возвращаться в Империю. Это так, Жанна?

Девушка ничего не сказала, продолжая изучать свои тапочки.

– Ну же, Жанна, – Властелин словно бы подбодрил ее. – Скажи мне. Только «да» или «нет». «Да» – останешься здесь. «Нет» – мы сейчас же с тобой уйдем.

– Да, – едва слышно выдохнула Жанна. – Я хочу остаться здесь... Госпожа Клара, я все сказала? Можно, я пойду в свою комнату? У меня болит голова.

Старушка всплеснула руками, пышные рукава ее пестрого платья пустились в танец.

– Какая я тебе госпожа, Жанна? Тоже еще придумала. Здесь нет господ. Просто – Клара. Конечно, иди, никто тебя не держит. Все? – осведомилась она у Темного Властелина. – Вы услышали все, что хотели? Отлично. Не будем задерживать девочку. У нее до сих пор со здоровьем не порядок, ох, не порядок.

– Тогда я тоже не смею вас задерживать. – Властелин вновь закутался в плащ, оставив на виду лицо и ладони. – Что ж, Жанна, ты сделала свой выбор. Надеюсь, ты и здесь, – он подчеркнуто резко слегка склонил голову, – будешь свободна. Мы все, – его взгляд метнулся по гостиной, задев, как прикосновение ледяного огня, каждого, кто там находился, – будем свободны.

Жанна явно хотела что-то ответить, но сдержалась, отвернулась и разве что не выбежала из гостиной.

Гость, не говоря больше ни слова, распахнул дверь и вышел. Еще мгновение – и из-за окна раздался перестук конских копыт. Черный конь уносил своего хозяина навстречу наступающей ночи.

– Уж поверьте моему опыту, – нарушил молчание дед Авессалом, пряча наконец трубку в карман темно-зеленого домашнего шерстяного жилета, – не завтра – так послезавтра они придут с войной. Он ведь не за девочкой явился – на нас посмотреть.

Никто не стал спорить с дедом Авессаломом. Слишком уж его слова походили на правду.

На следующее утро Темный Властелин нанес удар.

Спустившийся к завтраку дед Авессалом неожиданно закашлялся, прикрывая рот трясущейся старческой рукой, а затем прислушался к чему-то, слышному ему одному, и уверенно произнес:

– Началось.

– Дед, ты уверен? – быстро спросила Клара.

– Уверен, уверен, не сомневайся, – буркнул старик. – Если еще не началось, то вот-вот начнется. Я старый, да дело свое крепко знаю. Не первый десяток лет на Рубеже живу.

– Ну что, ребята, – Клара обвела семью сосредоточенным взглядом, слабо вязавшимся с ее старушечьим обликом. – Пора приниматься за дело, так?

– Так, мама, – откликнулся Элджернон.

– Так-так, – буркнул дед Авессалом. – Ну что ты, мать, как в первый раз.

Мария-Роза просто тихонько кивнула.

– Ну тогда пошли, – велела Клара.

Далеко на востоке Темный Властелин отдал приказ. Приказ полетел дальше, по цепочке, услышав его, офицеры отдавали честь и, в свою очередь, тоже принимались отдавать приказания, солдаты суетливо выкатывали на огневые позиции приземистые длинноствольные орудия, порождения черной магии и уродливой технологии, заряжали их, наводили на цель...

В уютном домике Доннерветтеров семейство привычно расселось в гостиной вокруг стола.

Только Жанна все еще лежала в постели. Но она уже не спала, внимательно прислушиваясь к тому, что происходит в доме.

Орудия изрыгнули пламя, окутались дымными клубами, выхаркивая снаряды – туда, туда, где держит оборону ненавистный древний враг.

Клара вложила свою сморщенную от старости старушечью ладошку в широкую надежную ладонь деда Авессалома, другой рукой обхватила тонкое запястье Марии-Розы. Мария-Роза сцепила свою ладонь с ладонью Элджернона, а тот, в свою очередь, крепко-накрепко взял за руку отца.

– Ну где же... – нетерпеливо прошептала Клара Доннерветтер. И тотчас же почти торжествующе воскликнула: – Ага! Есть!

И первая волна снарядов разорвалась в воздухе.

Так и не упав в лесу Рубежа.

Разбившись о невидимый купол, накрывший лес сверху.

Жанна слышала далекий рокот. Выбралась из постели, накинула халат, нагнулась и вытащила из-под кровати свои сапоги, в которых пришла в этот дом два дня назад. Никому из Доннерветтеров и в голову не пришло ее обыскивать. Теперь девушка достала обувь, но надевать ее не стала. Изнутри в левом сапоге скрывались ножны, а в них – тонкий бритвенно-острый кинжал.

– Ну, поехали, – пробормотал дед Авессалом.

По его лбу стекала струйка пота.

– Выдержишь, дед? – участливо спросила Клара.

– Выдюжу? Куда ж я, мать, денусь? – пробормотал старик. – Раньше выдюживал, и теперь придется. Но лупят-то, гады, сурово. Новое что-то изобрели, наверное.

– Ага, – согласно кивнула Мария-Роза. – Жжется.

Только Элджернон молчал, изо всех сил представляя, что он сейчас не за столом в безопасном домике посреди леса – нет, он парит над этим лесом и, подставляя ладони под жалиющие укусы обжигающих снарядов, отбрасывает их в сторону, не давая ни одному разорваться среди деревьев.

Они защищали Рубеж и делали это уже не первый раз.

Не обуваясь, Жанна босиком скользнула за дверь и тихо-тихо пошла в сторону гостиной, сжимая в руке кинжал. Пока девушка кралась по коридору, она вспоминала.

– Все должно быть по правде, – сказал Темный Властелин. – Понимаешь, иначе они не поверят. Все должно быть по высшему классу, чтобы без сучка, без задоринки.

Он встал с трона, медленно, задерживаясь на каждой ступеньке, спустился к Жанне. Она стояла молча, благоговей от того, что ей, лишь пару недель прожившей в Империи девчонке, поручают такое важное задание: расчистить армиям Империи путь, убрать с этого пути тех, кто присвоил себе право решать, кого пропускать, а кого задерживать. Странную семью, четырех человек, возмнивших, будто они могут ограничивать свободу истинно свободных людей.

Бледная ладонь Властелина ласково коснулась подбородка Жанны. Слегка сжала, поднимая лицо выше. Глаза встретились с глазами. И Жанна едва подавила желание упасть на колени. Его зрачки были как яростно танцующий черный огонь, ему хотелось целовать руки... Ему можно было позволить все...

– Не надо, не надо, – успокаивающе пробормотал Властелин. – Ты же свободный человек, Жанна. Не надо на колени падать, не надо руки целовать. Хотя, если ты хочешь...

– Хочу, господин! – простонала Жанна. – Можно?

– Ну, если действительно хочешь... Когда вернешься, то сможешь это сделать, договорились, девочка? Да?

– Да!

Жанна попыталась кивнуть, но ладонь Властелина держала крепко.

– Да! – еще раз восхищенно повторила девушка. – Я выполню... Я... Я оправдаю доверие. Мы победим, мой Властелин, и мы будем свободны.

– Будем свободны, – эхом откликнулся Властелин. – Конечно. Несомненно. Но запомни, еще раз повторяю: все должно быть как по правде. Ты пойдешь через пустыню. А за тобой будут по пятам идти охотники. Они не будут шибко уж стараться, но – ловить тебя они будут на самом деле. Если поймают – пеняй на себя. Это, – продолжая одной рукой сжимать подбородок Жанны, другой он достал из кармана медальон на тонкой цепочке, – яд. Его отдашь им сразу.

– Почему? – непонимающе спросила Жанна.

– Да потому, что они поймут: все это неспроста. Они знают: я хитер и коварен, мне ничего не стоит подстроить твой побег. Они догадаются, что ты бежала по моему наущению, ведь даже эти глупцы сознают: ни один свободный человек без моего разрешения не покинет пределов Темной Империи. Поняла?

– Да, поняла.

– Вот и хорошо.

Властелин наконец отпустил ее подбородок и двумя руками, откинув коротко обрезанные волосы (густую волну волос, черных как вороново крыло, Жанне велели обстричь, когда она пересекла границу империи), надел на шею девушки медальон. Прикосновение его холодных ладоней было мучительно приятно. Жанне захотелось накрыть их сверху своими ладошками,

нежными, горячими, прижать к своей шее, там, где под гладкой полупрозрачной кожей пульсировали тоненькие синие жилки...

– Перестань, – поморщился Властелин. – Не многовато ли воли берешь, девочка?

Жанну от стыда бросило в жар. Действительно, что это с ней? Ведь перед ней не просто красивый, умный, сильный, обходительный парень – это же...

– Да-да, – кивнул Властелин головой. – Вот и не забывай. Настоящим твоим оружием будет это.

Из-под длинного черного плаща он извлек тускло блеснувший в свете факелов кинжал.

– Когда я начну... Когда мы начнем, они будут защищать свой лес. Свой дом. Свой Рубеж. Но они устанут. Выдохнутся. Я постараюсь, чтобы все произошло именно так. И вот тогда в игру вступишь ты. Это просто. Раз – и в спину. Или раз – и в сердце. Или раз – и в горло. Это уже неважно – куда, главное – до смерти. У тебя получится, девочка, я в тебя верю. Все. Иди.

– Мы будем свободны! – выдохнула Жанна, не отрывая взгляда от его лица.

– Мы будем свободны, – с какой-то ленцией ответил ей Властелин. – Иди-иди. Торопись.

Когда Жанна неслышно вошла в гостиную, она увидела, как дед Авессалом медленно-медленно падает из кресла лицом вперед. Глаза деда безжизненно остекленели, из уголка рта тянулась тонкая ниточка слюны, а из носа капала густая ярко-малиновая кровь. Дед падал, но никто не торопился подхватить его – остальные члены семейства Доннерветтеров продолжали сидеть, сцепившись руками, с напряженными, искаженными болью лицами, и взгляды их блуждали где угодно, но только не в гостиной. В их глазах – Жанна готова была поклясться в этом – отражались ярко-оранжевые сполохи далеких разрывов.

Выкрикнув что-то неразборчивое, Жанна метнулась вперед, едва не выронила при этом кинжал и успела поймать деда Авессалома прежде, чем он ударился лицом о дубовую столешницу.

«Какой же он тяжелый», – мелькнула у Жанны мысль.

– Спасибо, дочка, – неожиданно спокойно сказал дед Авессалом, но взгляд его оставался стеклянным, и кровь капала все так же, теперь пятная не стол, а темно-зеленый жилет. – Но для меня уже поздно, наверное. Старый я стал, дочка, вот что я тебе скажу. Слишком, – он сделал ударение на этом слове, – слишком старый.

И больше он не сказал ни слова, потому что умер, но то, что деда Авессалома забрала смерть, Жанна поняла существенно позже. Сейчас она думала лишь о двух противоречащих вещах: «Как же ему плохо!» и «Наверное, так мне будет легче его убить», и эти две мысли никак не хотели примиряться друг с другом.

В этот момент Клара подняла голову и посмотрела на девушку мутными усталыми глазами, в которых бился огненный прибор.

«Какая же она старая», – потрясенно подумала Жанна, привыкшая за эти два дня видеть Клару Доннерветтер энергичной и бодрой.

– Если можешь – помоги, – прошептала Клара, словно не видя кинжала в руке девушки, с видимым трудом разлепляя пересохшие губы. – Мы... Мы и без тебя справимся, девонька. Раньше ведь как-то справлялись... Но нам трудно, ох, поверь, трудно.

– А что... мне делать? – спросила Жанна, сама удивляясь собственному вопросу.

– Возьми меня за руку, девонька.

Защитница Рубежа со стоном протянула ей раскрытую ладонь, и Жанна с ужасом увидела синяки там, где еще недавно Клара и дед Авессалом до скрипа зубов стискивали руки друг друга, черпая друг в друге таинственную силу, позволявшую им творить чудеса.

– Если, конечно, не боишься, – добавила она.

Голова старушки неудержимо клонилась к груди, и у Клары явно не хватало сил удерживать ее прямо. Ведь сейчас Клара Доннерветтер на самом деле была далеко отсюда, ведя

бой с безжалостным врагом, старающимся измотать защитников Рубежа, лишить их остатков стремительно тающих сил.

Девушка, сама не понимая, что же делает, протянула руку навстречу дрожащей руке Клары...

...отшатнулась, вспомнив о зажатом в кулаке кинжале...

...но Клара Доннерветтер все не замечала оружия, а в ее глазах плескались волны огненного шторма, выжигая остатки надежды...

...и тогда кинжал выпал из разжавшейся ладони и, ударившись о пол, пару раз подпрыгнул и закатился под стол.

– Сейчас, – торопливо пробормотала Жанна, двигая к столу тяжелое кресло. – Сейчас, сейчас, я мигом... Еще чуточку продержитесь, и я... помогу...

Она уселась в кресло и, зажмурив глаза до того, что на обратной стороне век вспыхнули и затанцевали огненные птички, вцепилась в руку Клары. С другой стороны, словно сама по себе, поднялась рука Марии-Луизы, и их ладони встретились и слились в одно.

А потом потекли бесконечные минуты и часы, когда Жанне было очень тяжело и невероятно больно.

Но настал момент, когда все закончилось, и девушка открыла глаза.

И тотчас же закрыла снова, потому что со лба стекал едкий соленый пот. Она хотела стереть его, но высвободить руку из хватки Клары оказалось непросто. «Ох, непросто», – мимолетно подумала Жанна, все же расцепив их с Klarой ладони и стирая пот со лба. Она еще раз открыла глаза и посмотрела вокруг.

Остальные были живы, неторопливо приходили в себя, с трудом размыкали намертво спаянные на время этого странного боя руки. Жанна бросила взгляд на сидевшего напротив Элджернона и ужаснулась: побелевшее изможденное лицо, черные синяки вокруг потускневших глаз, прокушенная губа, из которой сочилась кровь.

– Неужели я выгляжу так же? – прошептала она.

Мария-Роза нашла в себе силы улыбнуться, но улыбка больше походила на оскал.

– Точно не лучше.

Тут она увидела, что дед Авессалом лежит, уткнувшись лицом в стол, и не дышит.

– Па? – спросила она. – Пап, ты чего?

– Умер наш дед, – уронив руки, прошептала Клара. – Ох, как жалко-то... И сил нет поплакать как следует...

Элджернон с искаженным лицом принялся выбираться из кресла и делал это очень долго. А когда ему наконец удалось справиться с нелегким занятием, он поднял тело отца и осторожно положил на стоящую в углу лавку. Сложил руки на груди.

Дед Авессалом мертвым взглядом смотрел в потолок.

Мария-Роза, спрятав лицо в ладонях, беззвучно вздрагивала острыми плечиками. Клара была права – на слезы сил уже не оставалось.

На лужайке перед домом слышались чьи-то шаги, дверь распахнулась, и в дом вихрем ворвался Леобальд Таммер по прозвищу Десница Света.

Его закопченное лицо мало чем отличалось по цвету от серых лохмотьев, оставшихся от щегольской рубашки, правую руку у плеча туго перетягивала повязка с расплывшимся на ней грязно-бурым пятном. Шляпы не было вовсе. Однако Леобальд находил в себе силы улыбаться, и с черного лица сияли задорно белые зубы.

– А ведь снова победили! – вместо приветствия выкрикнул он. – Клянусь, вот это была драка! Вы здесь небось толком и не почувствовали, а ведь в конце, когда ваша защита дрожать начала и Властелин послал вперед своих солдат, мы вышли и задали им трепку. Лицом к лицу, доложу я вам.

Леобальд подбоченился.

– Клинки лязгали, пули свистели, снаряды взрывались, и штыки впивались в тело! Но мы их опрокинули, клянусь, и гнали через пустыню...

Тут он осекся, увидев тело на лавке.

– Вот это да, – потрясенно пробормотал он. – Дед-то ваш... Не знал я... Простите, клянусь, не хотел...

– Чего уж тут, – пробормотала Клара. – Хорошо помер старик. До последнего держался. Мы им гордимся. Поняли? Элджернон! Мария-Роза! Слышали!

– Да, – слаженно кивнули брат и сестра.

– Так что давайте выпьем, – продолжала Клара. – За победу. И за деда Авессалома. И за нее, – она слабым кивком указала на Жанну. – Не будь ее, все совсем не так было бы, ох, совсем не так.

Тут Леобальд Таммер сделал то, чего от него никто не ожидал. Скользнув через всю комнату в стремительном полупоклоне, он упал на колено перед креслом девушки и поцеловал ее холодную, трясущуюся от усталости ладонь.

Жанна, вспомнив, что сидит в кресле босиком, в домашнем халате, с кругами под глазами, порозовела от смущения.

Но тут Элджернон принес бутылку и пять бокалов, и стало проще.

Еще был вечер. Невероятно ласковый июльский вечер, когда унялся ветер, весь день старательно дувший на восток, бросая пыль в глаза солдатам Темной Империи. Солнце медленно скрывалось за лесом, уступая место едва проглянувшей бледной луне. Клара, Элджернон, Мария-Роза и переодевшаяся Жанна вышли на крыльцо, проводить Леобальда Таммера, который опять рвался в какую-то битву, но пообещал сначала дожидаться исцеления ран. Когда его силуэт окончательно растворился в вечернем сумраке, выяснилось, что возвращаться в дом никому не хочется, и они остались стоять под резной крышей маленькой веранды.

– Ну что, Жанна, – ласково спросила ее Клара. – Теперь ты вернешься домой? Или...

– Не знаю, – помолчав, ответила девушка. – Домой я не хочу. Я ведь оттуда не просто так ушла. Не ладится у меня с родителями жизнь, ох, не ладится.

Клара снова улыбнулась мимолетной улыбкой, и Жанна вспыхнула от смущения, поняв, что привыкает говорить, как Клара Доннерветтер.

– Тогда оставайся у нас, – просто сказала старушка. – Здесь, на Рубеже.

– Но ведь... – удивленно возразила девушка. – Я же пришла к вам с оружием, а вы сами говорили: на Рубеж с оружием нельзя.

– С каким таким оружием? – хитро прищурившись, спросил Элджернон, между прочим, лично вытащивший кинжал Жанны из-под стола. – Я ничего не видел. А ты, мам?

Клара помотала головой.

– Мария-Роза?

– Ничего не знаю. Какое еще оружие?

– Па?

Тут Элджернон осекся, вспомнив, что деда Авессалома с ними больше нет.

Все замолчали.

– Да все понятно, на самом деле, – махнула наконец рукой Клара. – Оставайся. Ты теперь знаешь, каково это – жить на Рубеже. Ты теперь наша. Опять же, Элджернону жениться пора, глядишь, понравится друг другу, что-нибудь да выйдет. Детишки пойдут.

Клара мечтательно посмотрела в синее вечернее небо и добавила:

– Внуки там всякие...

– Ну как вы не понимаете! – с жаром выкрикнула Жанна. – Вы ведь герои! Вы стоите на Рубеже, между Светом и Тьмой, и сражаетесь. А я – так, приبلуда, о которой вы ничего и не знаете толком.

– Но сегодня утром мы были вместе, и ты была с нами, – строго возразила Мария-Роза.

А ее брат отмахнулся и просто сказал:

– Да какие мы герои? Героев не зовут Элджернонами и Авессаломами. И нас мало волнуют Свет и Тьма, ведь их вовсе нет в людях. В людях есть лишь добро и зло, а все остальное придумано, чтобы запутать и сбить с толку. Главное – любить и доверять, поддерживать друг друга. Ну, вот как мы. И как ты сегодня помогла нам. Это и есть настоящая свобода. И когда ты стоишь на Рубеже, то ощущаешь это лучше других.

– Тогда... Можно, я подумаю?

– Можно, – благосклонно кивнули все трое оставшихся членов семейства Доннерветте-ров.

– В любом случае, это будет твой выбор, – добавил Элджернон. – Ты ведь – свободный человек.

Но про себя он подумал, что не стал бы возражать, если Жанна решит остаться.

Средисловие

Неожиданно, да? Зато оригинально. Средисловие – это примерно то же, что предисловие или послесловие, но не перед, и не после, а в середине.

С детства я хотел быть писателем.

Примерно в шесть лет я прочитал «Войну миров» Герберта Уэллса. И поспешил взяться за продолжение. На Землю, чудом пережившую вторжение марсиан на боевых треножниках, напали венерианцы на боевых четырехножниках (четыре ноги же круче трех? ... или нет?)

В десять лет я прочитал «Страну багровых туч». А. и Б. Стругацких. И поспешил взяться за продолжение. Герои уже выяснили, что на Венере не живут злобные монстры, перемещающиеся на четырехножниках, и я отправил их на Меркурий. Уже и не вспомню, что они там делали, но уж точно не искали меркурианцев на пятиножниках.

В школьное время я сочинил немало шедевров. Писал их ручкой в тетрадке. В старших классах и на первых курсах университета я освоил печатную машинку. Но по-настоящему мою жизнь перевернул компьютер. До сегодняшнего дня мало что дожило из того, что было написано ручкой или напечатано на машинке. Хотя один рассказ в этом сборнике со в те самые незапамятные времена.

И была в моей жизни особая эпоха. Я участвовал в интернет-конкурсах. «Рваная грелка», «Коллекция фантазий», «Царкон» – несть им числа. Одни еще живы, а другие уже мало кто припомнит. Ах, как ломались копыя! До какой приятной боли в пальцах колотили мы по клавиатурам, отстаивая понравившиеся тексты и ругая рассказы, которые казались полным отстоем.

Этот сборник на 90% состоит из рассказов, написанных на конкурсы. Одни из них – проба пера. Другие публиковались в журналах и сборниках, в том числе как у взрослых, с гонораром. Я не стал расставлять тексты в каком-либо порядке: как собралось из разрозненных файлов, так и собралось.

Данная версия – бесплатная. В перспективе я хочу дополнить ее несколькими рассказами, которые мало кто читал. Получше отредактировать старые вещи. Может быть, написать к каждому краткую историю: как это сочинялось, по какому поводу и все прочее в том же духе.

Ну а пока этого не произошло, добро пожаловать в мои миры. Сразу вас расстрою: юпитерианцы на шестиножниках остались в далеком-далеком прошлом. Но, может быть, и без них будет интересно?

Равные шансы

– Деда, нам тут реферат по истории задали...

Дениска приехал со школьной компьютерной планшеткой и прямо с порога набросился на деда, отставного контр —адмирала, требуя, чтобы тот рассказал «все как по правде было, а не как в учебнике пишут». Иван Андреевич уселся в любимое кресло, затянулся дымком из любимой трубки и спросил любимого внука:

– О чем рассказывать-то? Ты мне тему реферата сформулируй.

– Нам училка сказала: любая тема из истории войны землян с покемонами.

– Денис, Денис, – укоризненно покачал головой дед. – Не училка. Учительница. Что, так и сказала – с покемонами?

– Нет, конечно. Но ты же знаешь, их все так зовут. Ну расскажи, ты же тогда воевал. Ну что тебе стоит? – затянул Дениска.

Иван Андреевич не умел отказывать внуку. Да и не было причин отказывать.

– Ну что ж, – дед еще раз вкусно затянулся ароматным табачным дымком, выпустил одно за другим несколько сизых колечек, подождал, пока они рассеются. – Давай, записывай, что ли...

И прежде чем начать говорить, задумался еще на минуту. Вспоминал.

Люди и покемоны, едва встретившись, принялись воевать. После контакта начали неторопливо и осторожно общаться, узнавая друг друга поближе. Но тут нашлась какая-то планетка, на нее высадились одновременно и те, и другие, каждый сказал, что оказался здесь раньше, и пошло-поехало. Кто на самом деле был на злосчастной планете первым, уже и не поймешь. Так же, как и не узнаешь, кто первым нажал на гашетку.

И понеслась по Галактике война.

Покемоны, разумеется, сами себя называли совершенно иначе, да и земные дипломаты обращались к ним совсем по-другому. Но эти существа как две капли воды походили на желтого зверька Пикачу из старого мультфильма, только ростом чуть ниже среднего человека. Вот какая-то бульварная газетенка их так и окрестила. Остальные подхватили. Название прижилось.

Но главная странность покрытых желтым мехом инопланетян заключалась не в том, что все они поголовно были похожи на Пикачу. Людей удивляло то, как они вели боевые действия. Превыше всего покемоны ценили равенство сил, понимая его не буквально – равное количество кораблей, пушек, торпед или живой силы. Скорее, речь шла о потенциальном равенстве. Когда разведка покемонов узнавала о том, что земным флотом командовал какой-нибудь великий стратег, против него либо выставлялся более —менее равный по способностям флотоводец, либо собиралось побольше кораблей, чтобы уравновесить военный гений землян. С другой стороны, их толковые командиры очень часто отправлялись в бой с маленьким флотом, давая противнику шанс. Или, когда считали, что слишком превосходят земной флот, просто выводили часть кораблей из боя и отправляли их на базу. Некоторые земные офицеры даже рассказывали, что с той же целью – уравнять силы – покемоны выбрасывали за борт часть боезапаса или разряжали батареи излучателей, а то и, настроившись на частоту земных средств связи, предупреждали о готовившихся атаках.

Когда земляне это поняли, то, конечно же, стали пользоваться покемоновскими слабостями.

Но воевали те здорово, этого у желтых и пушистых, с виду вполне безобидных, инопланетян не отнимешь. Иначе при таких обычаях вряд ли бы они продержались против Земной

Федерации два года. Да не просто продержались, а порой даже имели немало шансов выиграть войну.

Крейсер «Вальгалла» патрулировал один из пограничных с зоной конфликта секторов, когда из гипера неожиданно вывалился вражеский рейдер-охотник и сходу бросился в атаку. Идеальная для покемонов ситуация: один на один, корабли сравнимого класса, относительно равны вооружение, мощность двигателей, энергозапас. При всех прочих равных исход схватки решало личное умение командира и экипажа.

Но этот бой сразу сложился не в пользу землян. Слишком поздно они обнаружили противника. Когда по крейсеру гремела боевая тревога, покемоны уже произвели торпедный залп и выходили на дистанцию уверенного поражения из энергетических пушек...

...Кто-то громко и от души сквернословил, кто-то остервенело стучал по клавиатуре, еще звучали приказы, и со стороны могло показаться, что капитан Рейли контролирует ситуацию. Казалось – еще мгновение, и инженеры активной защиты своей электроникой соьбют с толку мозги покемоновских торпед, а те, что обмануть не удастся, сожгут лазерным огнем. Затем вступит в бой главный калибр «Вальгаллы», и отважные десантники возьмут на бордаж разбитое корыто, еще недавно бывшее смертельно опасной боевой машиной.

Но этого мгновения у крейсера не было. Одна за другой, три торпеды пробили его корпус и взорвались в районе двигателей и энергонакопителей. Орудия крейсера так и не открыли огонь. Лишенная способности маневрировать и стрелять, «Вальгалла» была теперь не страшнее игрушечной модели боевого корабля, выставленной в магазине.

По странному стечению обстоятельств, центральный пост остался цел, капитан и большинство офицеров выжили – но командовать им уже было нечем.

– Ну что, господа, – негромко сказал капитан Рейли. – Вынужден признать, что мы проиграли. У нас не выходит даже взорваться. Я уже нажимал на «последнюю кнопку», и не один раз, но как-то все без толку.

– Ну и скрытный же вы человек, господин капитан, – восхитился старший помощник командор Лурье. – Хотели сначала взорвать крейсер, и только потом нам об этом сообщить?

– Что поделать? – пожал плечами капитан. – В таких ситуациях демократия вредна. По-вашему, стоило поставить этот вопрос на голосование?

Разговор на этом прервался – десантные боты вражеского рейдера прогрызли обшивку, и бордажная команда ворвалась на борт «Вальгаллы». В короткой и безнадёжной перестрелке покемоны быстро сломили сопротивление немногих оставшихся в живых и стали хозяевами на корабле.

В плен попали четверо: старший помощник, лейтенант-артиллерист, капитан-электронщик да старшина-связист. Они практически одновременно очнулись в отсеке корабля покемонов.

В те времена земляне еще не успели до конца свыкнуться с мыслью, что они – единая раса. Стоило больше общаться с инопланетниками, чтобы осознать свое отличие от них, понять, что, несмотря на все культурные различия, англичанин и эскимос гораздо ближе друг другу, чем человек и покемон. Старший помощник командор Лурье был франкоземлянином, как тогда говорили, артиллерист Джинелли – итальяноземлянином, электронщик – вовсе марсокитаецземлянином с простой и характерной фамилией Ли. А вот техник старшина Сидоров имел русскоземное происхождение.

Русскоземляне – очень интересный народ. Каждый по одиночке – ни много, ни мало – гений. Но стоит им собраться толпой – ох, думаешь, лучше бы не собирались. Ну да ладно, все это уже в прошлом. Сейчас как-то не принято на такие мелочи внимания обращать, да и не раз-

личишь сегодня, кто арабоземлянин, а кто – скажем, японоземлянин. Разве что еврееземляне до сих пор свою национальную идентичность выпячивают, да кочуют по космосу цыганоземляне, угоняя то, что плохо пришвартовано. Так вот, этот русскоземлянин старшина Сидоров в конце концов всех и спас. Есть в национальном характере русскоземлян такая интересная черта: находить выход в самой безнадежной ситуации, когда все американо – или германоземляне уже сели, ручки на пузе сложили и помирать собрались.

Но о том, как он всех спас – немножко позже.

– Ну, что будем делать? – едва очнувшись от шока, вызванного лучом парализатора, спросил лейтенант Джинелли. – У нас с покемонами нет никаких договоренностей об обмене пленными, да и о гуманном обращении с ними – тоже.

– Гуманное – значит человеческое, – хмуро ответил старший помощник. – Желтоухие – не люди, так что их обращение с нами человеческим быть не может. Разве что покемоновским... Интересно, нас хотя бы кормить собираются?

Электронщик Ли обвел взглядом голые стены отсека и проговорил задумчиво:

– Сомневаюсь. Лежим на голом полу. Ничего похожего на мебель нет. Туалета – тоже не видно. Лично мне этого достаточно, чтобы сделать выводы. Кстати, весьма грустные. К нам никто не собирается относиться гуманно. Неизвестно даже, говорит ли кто-нибудь из покемонов на земном языке.

Когда случилось столкновение «Вальгаллы» с покемонским рейдером, боевые действия шли очень интенсивно. Но характер боя в космосе таков, что в девяти случаях из десяти поврежденный корабль взрывался, оставляя после себя лишь обломки. Что люди, что покемоны в плену оказывались редко, и что с ними происходило – никто толком не знал. Обе воюющие стороны испытывали проблемы с переводчиками – их активно готовили, но, по крайней мере, у землян львиную долю подготовленных специалистов забирала разведка.

Четверо пленников сидели и уныло оглядывали серо-зеленые стены своего узилища.

– Может, попробовать поговорить с покемонами? – задумчиво предложил артиллерист. – Вдруг они нас поймут? И пусть тогда разъяснят наш статус. Как вы к этому относитесь, господин командор? – он посмотрел на старшего помощника. – Вы старший по званию, как скажете, так и будет.

– Разумно, – одобрительно кивнул старший помощник. – Действуйте, лейтенант

Джинелли встал, потянулся, разминая затекшие ноги (парализатор – это вам не шутки) подошел к люку и осторожно постучал по нему костяшками пальцев. Вернее, попытался постучать, потому что при этом выяснилось: изнутри люк был сделан из какого-то мягкого материала, подобного резине. Кулак лишь оставил на нем быстро затянувшиеся вмятины.

– Не выходит, – пробормотал он. – Интересно, они вообще за нами наблюдают?

Если в помещении и была какая-то наблюдательная аппаратура, то ее хорошо замаскировали. Тем более – голые стены, никакой мебели и даже никаких следов туалета.

– Есть еще предложения? – осведомился старший помощник.

В ответ только молчание.

– Чертовщина! – неожиданно взъярился лейтенант. – Как-то все это глупо, не по-человечески. Посадили, закрыли – и все. Если мы им не нужны – почему сразу не убили? Если нужны – вот, мы очнулись, где допросчики, пыточных дел мастера на тот случай, если мы откажемся отвечать, или еще что-нибудь в этом роде?

– Ну, я ведь уже говорил, – возразил ему командор. – Это не люди, поэтому и ведут себя не по-человечески. Это покемоны, и действуют они так, как им полагается. Беда только в том, что мы плохо знаем, как полагается себя вести покемонам. Вот если бы мы могли понять модель поведения врага, то, возможно, нам удалось бы извлечь из этого пользу для себя.

– Всего-то? – ехидно спросил лейтенант. – На Земле умники яйцеголовые уже сколько времени пытаются понять носителей чуждого разума. Хоть дельфина, хоть покемона. И мно-

гого они добились? Вот если о нас говорить, то для начала стоило бы увидеть покемонов живьем. А они совершенно не торопятся с нами общаться. Проклятье!

С этими словами артиллерист со всей силы засадил кулаком по люку.

Тот бесшумно открылся.

По ту сторону никого не было. Только освещенный желтоватыми светильниками коридор с рядами однообразных люков в серо-зеленых стенах.

Пока остальные ошарашенно смотрели на дело рук Джинелли, Ли подошел к люку, нетопливо высунул голову в коридор и посмотрел по сторонам.

Налево, направо – никого. Ни единой живой души.

– Вот вам и нечеловеческая логика, – нарушил молчание старший помощник. – Бросить пленных в незапертом помещении без охраны – как-то это непонятно. Ну, что будем делать дальше?

– Действуем по обстановке, – усмехнулся артиллерист.

Электронщик осторожно вышел в коридор. Очень интересно вышел – как будто заходил в воду, температура которой ему неизвестна. Вытянул над невысоким порожек ног, носком форменного ботинка коснулся пола. Поставил ногу на ступню. И уже потом переместился за пределы отсека полностью.

И ничего не произошло. Вышел и вышел. Словно бы и не был пленным на корабле враждебной людям расы

– Значит, так, – сказал старший помощник. – По обстановке так по обстановке. Лучше делать что-то, чем тупо сидеть на месте и ждать у моря погоды. План такой: выходим отсюда и идем. Куда? Для начала – налево. Почему именно туда? Командир не обязан объяснять подчиненным смысл своих приказов. Капитан Ли, вы первым провели разведку вражеского корабля, вот теперь и отдувайтесь. Идете впереди. Замыкающим – старшина... Эээ... Ваша фамилия, старшина?

Старший помощник ткнул пальцем в связиста, который все это время, как и полагается нижним чинам, в разговор не встречал и ждал приказов от вышестоящего начальства.

Тот вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и принялся по-уставному пожирать глазами начальство.

– Старшина Сидоров, господин командор!

– Тише, – поморщился старший помощник. – Не на плацу, да и покемоны могут услышать. Вы – замыкающий. Наша цель – вернуться на «Вальгаллу», а дальше – снова воспользуемся заклинанием «действовать по обстановке».

Однако уйти далеко беглецам не удалось. У первого же пересечения «их» коридора с другим они столкнулись с несколькими покемонами.

Когда из-за поворота на ничего не подозревающих желтоухих космонавтов в синих мундирах выскочили четверо землян, которые сейчас должны были по всем их представлениям находиться совсем в другом месте, быстро среагировать хозяевам корабля не удалось. Капитан Ли, шедший первым, лихими ударами рук и ног расшвырял двоих. Но третий юрко вывернулся и бросился в перпендикулярный коридор, а там метнулся еще куда-то. Он-то был на родном корабле, и беготня за ним вряд ли могла увенчаться успехом.

Оружия у поверженных врагов не нашлось. Как пленные ценности они не представляли, потому что никто из землян не говорил на покемонском.

Прежде, чем командор Лурье принял новое решение, неподалеку раздался топот и странные звуки, резкие и отрывистые, однако притом странно музыкальные. Будто певчая птица – дрозд или канарейка – облачилась в мундир и, вообразив себя генералом, принялась отдавать приказания.

– Бежим туда! – Лурье махнул рукой направо.

Приказы не обсуждаются. Направо – так направо. Командор, скорее всего, сам махнул рукой в эту сторону исключительно наудачу: налево уже ходили, там не повезло.

– Может, проверим, есть ли еще открытые люки? – уже на бегу крикнул Джинелли

– Или спрячемся где-нибудь, или, по крайней мере, забаррикадируемся, и пока они нас выковыряют оттуда, мы что-нибудь испортим. Все им вред будет, – согласился с ним капитан Ли.

– А если там охрана?

– Там и разберемся!

– Проверьте, капитан, – одобрил затею командор.

Старшина Сидоров бежал замыкающим, изредка оглядываясь – нет ли погони. В офицерские дела он не лез, справедливо полагая, что выполнять приказы гораздо проще, чем отдавать их.

Погоня все еще топала где-то за очередным поворотом. Земляне продолжали мчаться по коридору, сворачивая то в одну сторону, то в другую. Только теперь электронщик бился плечом во все попадавшиеся по дороге люки, пока один из них не поддался.

– Сюда, – крикнул Ли, ныряя внутрь.

Остальные последовали за ним.

В отсеке у самого входа стоял покемон с пушкой в лапах. Электронщик выхватил у него пушку, а самому часовому поддал пинка, так, что тот отлетел в сторону.

Отсек заполняли экраны, пульта, разнообразная аппаратура, а покемонов было как раз не очень много. Но все они увешаны были какими-то значками как новогодние елки, и тут беглецы поняли, что им, наконец, повезло. Возможно.

Потому что помещение, в которое они ворвались, оказалось чем-то вроде командного центра корабля.

Несколько покемонов успели сообразить: то, что происходит – это неправильно, и потянули желтые лапы к кобурам. Но Ли уже разобрался с тем, куда и как нажимать, и наудачу пальнул из захваченной пушки.

Тех, что хватались за оружие, мгновенно снесло голубоватым лучом, который видимых повреждений не оставлял, но, как выяснилось, убивал быстро и гарантированно.

– Всем стоять! – заорал электронщик. – Лапы за голову!

рал он по-своему, и вряд ли покемоны поняли его слова, но сам смысл, подкрепленный стволом пушки, был вполне очевиден. Так что потихоньку, бочком —бочком, чтобы не дай бог не спровоцировать грозного врага на стрельбу, все покемоны перебрались из-за своих пультов к стене и выстроились вдоль нее, покидав оружие на пол.

Беглецы вооружились и стали чувствовать себя более спокойно.

– Так, что тут у нас... – задумчиво проговорил старший помощник, глядя на стройную шеренгу покемонов. – Кто-нибудь говорит на земном языке?

Один из покемонов осторожно поднял лапу. Затем так же осторожно, недоверчиво поглядывая на электронщика и пушку в его руках, показал на небольшой приборчик с кнопкой, висевший на поясе его синего мундира.

– Неужели переводчик? – удивился Лурье. – Ну, включи.

Желтоухий с приборчиком опять же очень осторожно, не отрывая глаз от направленного на него ствола, нажал на кнопку.

Речь самих покемонов похожа на птичье чириканье, а приборчик на боку вызвавшегося отвечать заговорил лишенным эмоций холодным металлическим голосом с чудовищным акцентом. О построении фраз вообще говорить страшно. Уже после войны стало известно, что переводчик был экспериментальным, и одной из целей рейда атаковавшего «Вальгаллу»

охотника был захват пленных для его проверки. Так что бежавшим землянам еще раз повезло. У людей-то в то время не было ничего, что хоть как-нибудь походило на покемонский прибор.

– Я переводить, – раздалось из приборчика. – Говорить с вы. Хотеть знать, почему вы поступать нечестно так?

– О чем это он? – недоуменно спросил Джинелли. – О том, что мы из плена сбежали?

– Да, – ответил покемон. – Перед бежать из плена предупреждать сторож. Дать сторож шанс. Честно так.

– Ну вы даете, – развеселился старший помощник.

Остальные тоже заулыбались. Видимо, заявления покемона, откровенно бредовые с точки зрения землянина, помогли им справиться с напряжением.

– Я вы не понимать, – ответил покемон. – Вы поведение мы неясно.

– Да это-то неудивительно. Так, отвечать быстро, ясно и не обманывать. Это понятно? А иначе – лишишься своих желтых ушей.

– Я не сотрудничать с вы, если это вредить мы. Но если я обманывать, я вы сначала предупреждать, чтобы вы иметь шанс, – гордо ответил покемон. – Мы так принято. Правильно так. Вы спрашивать.

– То есть если я спрошу тебя, а ты решишь меня обмануть, ты мне об этом предварительно сообщишь?

– Нет. Я сказать: я иногда неправда говорить. А вы решать, что правда, что неправда. Честно так.

– Ладно, учтем. Первый вопрос: можно ли заблокировать люк изнутри?

– Да. Мы это не вредить.

– Показывай.

Решив довериться инструкциям покемона, который, по крайней мере, с виду, готов был с ними сотрудничать, земляне заблокировали вход в командный центр. И выяснили две вещи. Во-первых, они правильно сделали, что поспешили с этим. Те, кто за ними гнался, обнаружили, куда делись беглецы, и попытались ворваться в захваченный отсек. Во —вторых, судя по тому, что люк с налету открыть им не удалось, покемон-переводчик не соврал.

– Так, что дальше? – старший помощник обвел взглядом подчиненных. – У кого какие идеи?

– Теперь прорываться на «Вальгаллу» смысла нет, – начал рассуждать вслух электронщик. – Может быть, заставить этих, – он махнул рукой в сторону покемонов, – отвести корабль куда нам нужно?

– Нет, – дернулся услышавший это переводчик. – Мы не делать то, что мы вред. Или обманывать вы. Честно так.

– Понятно. Значит, сами мы этим кораблем управлять не можем. Они нам подчиняться не будут, а если мы даже придумаем, как их заставить – нет никакой гарантии, что они нас не обманут.

Тут запиликала какая-то покемонская техника.

Старший помощник вопросительно посмотрел на переводчика.

– Внутренняя связь, – поспешно объяснил тот.

– Включай.

Покемон нажал что-то на пульте. Прямо в воздухе развернулось голографическое окно. В нем красовался явно пожилой уже и матерый покемон-ветеран, цветом похожий на передержанный в холодильнике лимон. Тоже со знакомым землянам приборчиком на поясе.

– Вы слышать я? – спросил он.

Его интонации беглецам были непонятны, а прибор выбрасывал из себя слова холодно, отстраненно, с металлическим скрежетом.

– Слышим, слышим, – кивнул командор Лурье.

– Наши условия: вы открывать и сдаваться. Сидеть камера пока мы привозить вы на наша планета. Там правдиво отвечать наши вопросы. Мы вы кормить, вы предупреждать мы если вы хотите бежать. Честно так.

– Ну уж нет, – ответил старший помощник. – Мы захватили ваш командный центр, у нас в заложниках ваши высшие офицеры, так что не понимаю, почему мы должны сдаваться.

– Цивилизованное существо не мочь считать другие заложники! – их собеседник весь скривился. – То, что вы захватить центр управления, не давать вам возможности ни для что. Вы не мочь управлять корабль, вы не мочь лететь туда, куда хотеть. Даже связь быть настроенной наши корабли. Пройти четыре ваших часа, мы прожечь люк и взять вас в плен заново. Тогда мы вас связать и поставить охрана, – при этих словах покемон вновь скривился, как от зубной боли. Похоже, представление об охране или заложниках у них имелось, но они не считали, что «честно так».

– Зато пока вы не прожгли люк, мы в равном положении. Мы ничего не можем сделать вам, но и вы нам вреда не причините.

Старший помощник сделал знак, покемон-переводчик понял его и выключил связь.

– Итак, господа, – сказал старший помощник, – у нас есть четыре часа на размышление. Что будем делать?

Джинелли молчал.

Капитан Ли посмотрел на покемоновскую пушку в своих руках и пробурчал:

– Была ведь идея – врываемся, всех убиваем, все, что можно – раскурочим, а там – хоть трава не расти.

Услышавший это покемон-переводчик из ярко-желтого стал бледно-желтым.

И тут заговорил молчаливый старшина Сидоров. Все то время, пока шли переговоры сначала с одним покемоном, затем с другим – он молчал, прислонившись к стене, поигрывал доставшимся ему стволом и грозно поглядывал в сторону пленных. Но теперь, видимо, его осенила идея.

– Господин командор, разрешите обратиться?

– Разрешаю.

– Понимаю, господин командор, может, оно как-то глупо звучит, но, если я правильно этих желтоухих понял, почему бы не сделать вот так...

И он изложил свою идею.

Старший помощник Лурье подумал немного, присвистнул – и спросил покемона —переводчика, выполнит ли он то, о чем говорил старшина Сидоров. Тот подумал и ответил.

– Я мочь. Хотя я не понимать, зачем вы так поступать. Но это мы не вредит.

Еще через несколько минут старший помощник велел включить внутреннюю связь и вызвать старшего тех, кто пытался пробиться в командный центр корабля. Вновь распустившееся окошко снова продемонстрировало землянам того самого пожилого покемона.

– Вы решить сдаваться? – сразу же спросил он.

– Нет, – ответил командор Лурье.

А затем объяснил ему, что только что с борта рейдера было отправлено сообщение всем покемонским кораблям, которые это сообщение могут принять. В нем говорится, что рейдер-охотник такой-то, на борту которого находятся важные пленные, ведет неравный бой с земной эскадрой и просит о помощи. Несколько кораблей уже ответили, что мчатся на выручку и будут не позже чем через три часа.

– Но... Нечестно так, – непонимающе сказал покемон. – Мы тогда иметь над вы слишком большое преимущество, – и снова повторил. – Нечестно так.

– Вам виднее, – философски отметил старший помощник. И вновь велел отключить связь.

После чего оставалось только ждать.

Еще через пятнадцать минут с той стороны люка вновь захотели общаться. Покемонский офицер сообщил: чтобы уравнивать силы, с борта «Вальгаллы», система связи которой благополучно сохранила работоспособность, была установлена связь с кораблями Земной Федерации. Их командирам в общих чертах обрисовали положение дел, передали координаты и сообщили приблизительную информацию о силах покемонов.

Конечно, земные офицеры сильно подозревали сначала, что это – ловушка. Поэтому кораблей нагнали туда побольше, чем предлагалось покемонами, да и не очень торопились, но все равно успели вовремя.

А боя не произошло.

Земной адмирал, убедившись, что его никто не обманывает, предложил, прежде чем открывать огонь, провести переговоры и обсудить возвращение пленных.

И, слово за слово, выяснилось, что, как офицеры Земной Федерации недовольны своим правительством, так и покемоны, в общем-то, от действий своих покемоновских политиков не в восторге. Военные по обе стороны фронта считают, что захудалая планетка, на которой и ресурсов полезных-то практически нет, слабо годится на роль яблока вселенского раздора.

Поэтому был составлен заговор.

Конечно, друг другу земляне и покемоны поверили не сразу, и еще были бои, были жертвы. Однако настало время, и в Земной Федерации и у покемонов одновременно грянул военный переворот.

Только покемоны и здесь учудили. У землян все произошло так, как и полагалось. Неожиданно поднялись, неожиданно наставили на правительственную планету пушки, неожиданно сменили власть. А покемоновские заговорщики вместо этого отправили своему правительству сообщение, в котором говорилось: господа министры, такого-то числа мы имеем честь поднять против вас восстание; если вы собираетесь сопротивляться, предлагаем вам поделить флот и армию пополам и выбрать ту половину, которая вам больше нравится. Потом повоюем и разберемся, кто прав, кто виноват. Честно так.

К счастью покемоновское правительство предпочло по-тихому уйти в отставку, и союзные Земле желтоухие победили. Настали опять во вселенной тишь да гладь, да Божья благодать.

– Деда, а что, если поднять восстание и правительство поменять, от этого лучше будет? – спросил Дениска, полагая, что история закончилась.

– Как тебе сказать, внук, – задумчиво протянул дед. – По крайней мере, нам тогда так казалось. Ты в реферате про это лучше не пиши. Учительница скажет: мол, больно умный. На самом деле от ситуации зависит, но об этом вам еще в школе расскажут. Сейчас нам важно то, что старшина Сидоров в виде поощрения направлен был в офицерскую школу, закончил ее и долго еще служил Земной Федерации.

И с этими словами отставной контр — адмирал Иван Андреевич Сидоров вновь затянулся дымком из любимой трубки.

...умирает последней

На пустыре за рыжими от ржавчины гаражами Лелик и Барбос учили чурку. Чурка стоял на коленях у облупившейся стены трансформаторной будки. На стене за его спиной оставшееся неизвестным дарование когда-то изобразило приветственно растопырившего лапы медведа, а другой точно такой же гений, явно только-только переваливший границу периода полового созревания, пририсовал медведю гигантский член. Поставленная на колени жертва страдальчески тянула:

– Ну за что... Отпустите меня...

Совсем недавно Лелик с Барбосом, в меру синие в связи с окончанием учебной недели, подцепили парочку девиц на углу Рылеева и Тверской, известном, как Шмарный перекресток или просто шмарник, и бодро топали в сторону дома. Девушки, кстати, были вполне ничего себе, а то на шмарнике иногда попадают больные, и даже, судя по слухам, можно порой мутантку встретить. Не удивляйтесь, времена трудные, всякое случается, а больным и мутантам тоже жить хочется.

Я шел чуть позади и слушал, как пацаны виртуозно увешивают лапшой прелестные девичьи ушки. Тут нас обогнал тот самый чурка, над которым они сейчас куражились.

Темно-серый комбинезон с оранжевыми вставками, втянутая в плечи голова, настороженный взгляд зверя, каждый миг готового к травле... Кажется, он работал здесь дворником. Смутно-смутно, где-то на грани между правдой и неправдой, маячило в сознании, что раньше дворником у нас был старый дед, длинный, тощий и сморщенный как высохшая до каменной твердости селедка. Но он куда-то исчез, то ли умер, то ли переехал, и убирать двор взялся этот чучмек.

Многие, кстати, исчезли. Была война, потом, говорят, на какой-то атомной электростанции рвануло почище твоего Чернобыля, и через какое-то время оттуда полезли мутанты. Сам я своими глазами их не видел, но Санька Кацман, попавший на срочку в те края, вернулся домой, не дослужив почти полгода – комиссовали по дурке. Когда на него на краткий миг снилось просветление, Санька, еле шлепая губами и с трудом подбирая слова, мычал такое, что потом ночью снились кошмары. Не раз после Санькиных рассказов я просыпался с криком, хотя вряд ли смог бы внятно ответить на вопрос, что же видел во сне.

С другой стороны, вот были люди – и вот их не стало. Только изредка, всплывают из глубин памяти лица, кружатся горстью осенних листьев на ветру, а кто они, откуда я их помню – бес разберет. Я, кстати, не уверен, что с легкостью скажу, когда умерла мать. Что уж тут говорить про каких-то незнакомцев. Но от нее хотя бы фотокарточки остались, а многих я не могу найти даже на фото. Такое ощущение, словно все, о ком сохранились хотя бы чуточку светлые воспоминания, куда-то исчезли. Где они, любящие родственники, добрые учителя, верные друзья, какие-то случайные, но такие симпатичные знакомые? Как будто их однажды просто вырезали из мира, и остались вокруг меня лишь люди мрачных тонов. Впрочем, чего уж там, я тоже не святой.

Чурка, шаркая заношенными разбитыми сапогами, торопился по своим дворничьим делам, держа в руке растопырившую жесткие прутья метлу.

– Дай метлу, – выкрикнул Лелик ему вслед.

– Зачем она тебе? – спросил чурка, не оборачиваясь и ускоряя шаг.

– Девки на ней летать будут, – заржал Лелик в спину дворнику.

Девчонки залились смехом, хватаясь друг за друга, чтобы показать всему миру, как им весело. Даже Барбос, вообще редко улыбающийся, растянул рот и пару раз коротко хыкнул: ххы, ххы.

Дворник еще больше втянул голову в плечи и удивительным образом стал похож на облачившуюся в рабочий комбинезон черепаху.

– У, бля, – выдохнул Барбос. – По городу спокойно пройти нельзя, везде эта нерусь.

Тут он заметил меня.

– Вован, а ты чего один? Шмару себе не нашел? А мы уже вот... Ищи себе девку и присоединяйся.

– Некогда мне, – соврал я. – Я до магазина, потом по делам.

– Дела у него, – буркнул Лелик. – Умный ты, Вован, слишком. Оно, конечно, полезно бывает, только всему должно быть свое время. Слышал такое: каждой вещи свое место под солнцем?

– Из Библии? – напряг мозги Барбос.

Вид у него был такой, словно он успел уже после шараги забить косяк и выкурить его.

– Типа того, – отмахнулся Лелик. – Опять, небось, Вован, хочешь за книжки засесть? Ну смотри, ты за себя, конечно, сам решаешь. Только не заметишь, как жизнь пройдет, и вспомнить-то нечего будет. Бери с нас пример: отучились в технаре – и все, мы вольные птицы, пора, брат, пора, по бабам и так далее. Ну, бывай.

Он вяло поднял руку и изобразил, что машет ей. Я махнул в ответ и, чтобы не продолжать разговора, действительно свернул к магазину. Там очень удачно собралась очередь из нескольких заторможенных бабулек, которым не столько нужны были хлеб и молоко, сколько возможность обменяться друг с другом последними сплетнями. Наконец, купив пачку пельменей и решив, что Лелик с Барбосом вряд ли сидят сейчас на лавке у подъезда, я поспешил к дому.

И свернув на узкую тропу между гаражами и трансформаторной будкой, по которой рисковали ходить лишь обитатели нашего квартала – любой другой, напоровшись здесь на пацанов из квартальной кодлы, мог быть, в зависимости от времени суток, быть избит, ограблен, а то еще и что похуже – так вот, свернув на эту тропу, я увидел, как Лелик с Барбосом учат стоящего на коленях чурку.

Значит, они решили-таки подарить себе и девчонкам бесплатное развлечение. Аттракцион «Реальные пацаны поражают дракона». Хотя мне-то что? Чурка – он вообще человек ли? Если человек, так пусть, гадство, встает на ноги и дерется, как и полагается сапиенсу. Не хочет драться – сам виноват. Мое-то какое дело? Человеку – человеческое, но рабу однозначно рабье. Не убьют ведь они его в конце концов.

...так я убеждал сам себя, а ноги несли меня ближе к гаражам.

– О, – заметил меня Лелик. – Вот и Вован нас догнал. Хочешь чурке в дычу дать? Он хороший чурка, смирный. Ты ему по харе, а он тебе – спасибо. Правда, урод? Ну? Не слышу...

Он наклонился и сунул дворнику под нос кулак, украшенный стесанными о боксерскую грушу и чужие лица костяшками. Дворник побледнел и кивнул.

– Молодец, – довольно осклабился Лелик. – А теперь словами, тварь, словами.

– Я хороший, – едва не плача, прошептал дворник и натурально шмыгнул носом.

– Слышь, Лелик, – нетерпеливо сказал Барбос. – Или давай его отхреначим, или ну его уже. Девки стынут, водка греется, а он тут соплями исходит.

Девчонки стояли рядом и смотрели, глупо хихикая. В их глазах, наверное, пацаны и впрямь выглядели героями.

Лелику явно хотелось пойти домой, пить пиво и щупать девочек, но точно так же ему не хотелось расставаться с новой игрушкой.

– Ты у меня, сука, не соплями сейчас – кровью изойдешь, – пообещал он дворнику и занес ногу для пинка.

Чурка зажмурился и часто-часто хрипло задышал. На худом горле подрагивал кадык, как будто стоящий на коленях человек чем-то подавился и никак не мог пропихнуть помеху в горло.

Я не знаю, почему поступил так, как поступил. Совесть проснулась, что ли? Видал я эту совесть в гробу в тапочках известного цвета. С детсадовских времен помню, нас учили: нужно помогать слабым, защищать их от тех, кто сильнее. Но это никогда не шло дальше слов, а что такое слова? Так, колебание воздуха.

Просто я шагнул вперед, зацепил носком ботинка Леликову щиколотку и дернул на себя. Тот, конечно, не удержался на ногах и, нелепо взмахнув руками, шмякнулся оземь. Девчонки сначала по привычке прыснули, но, сообразив, что случившееся поводом для веселья назвать нельзя, мигом замолчали.

– Ты чего, Вован, – недоумевающе поинтересовался Лелик, поднимаясь и отряхивая порывевшие от пыли штаны. – На клоуна не доучился, что ли?

Набычившийся Барбос молча пошел ко мне. Он двигался неотвратимо, как та машина для сноса домов, у которой на длинной стреле раскачивается тяжеленная дура.

Чурка, удивленный тем, что пинка не случилось, открыл глаза. А я быстро шагнул назад, стараясь удержать всех в поле зрения.

– Хорош, пацаны, – как можно более мирно сказал я. – Повеселились – и хватит.

– Не, ну я не понял... – буркнул Барбос. – Ты что, чурку пожалел?

Это была хорошая метла, фабричного производства, изготовленная по последнему слову двороуборочной техники. Про нее все уже забыли: и дворник, бросивший ее, когда началась вся эта заваруха, и Лелик, предлагавший девчонкам на ней полетать. А я вот вспомнил.

Будь она просто палкой с наломанными с ближайшего дерева прутьями, как попало при-тянутыми накрученной проволокой, многое пошло бы иначе. А у этого шедевра, созданного для облегчения труда дворников, черенок входил в специальное гнездо – и, соответственно, точно так же легко выходил, если отщелкнуть простенькую приспособу. Я наступил на синтетические псевдопутья, наклонился, взялся за черенок и потянул. Мгновение – и у меня в руках полтора метра крепкого дерева.

Импровизированный шест описал полукруг, повинувшись едва заметным движениям руки. Лелик и Барбос попятнулись – знали ребята, что Вован уличные драки не жалует и в разборках район на район старается не участвовать, но и в тренажерный зал ходить не забывает, а уж у седого Степаныча, который, по слухам, в молодости еще в полулегендарном Афгане повоевал, перенял не одну премудрость. А что поделать? Жизнь такая наступила: хочешь жить – умей вертеться, бегать, прыгать, махать руками и ногами, а также многое другое.

– Лапы уберите, – велел я, неторопливо вращая шест и стараясь двигаться так, чтобы жужжащий полуразмытый круг все время оставался между мной и ними. Но Барбос, похоже, и правда был по укурке.

– Ну ты дебиил, – сообщил он мне, – и вдруг протянул руку, словно хотел схватить меня за отворот куртки.

Если сунуть карандаш в вентилятор, раздастся надрывный визг, во все стороны полетят щепки и осколки графита, у вас в ладони останется измочаленный обломок, а вентилятор, прожевав помеху, будет трудиться дальше. Рука – не карандаш, и оторвать ее мой шест, конечно не мог, но треск сломавшейся кости прозвучал очень громко.

Плоское невыразительное лицо Барбоса стремительно побелело. Он отскочил назад.

– Вован, ты что? – недоумевающее спросил Лелик. – На кой тебе этот чурка сдался? Мы же с тобой в детсаде на соседних горшках...

– Убирайтесь!

Надо ковать железо, пока горячо. Шест метнулся вперед, выплясывая у самого леликового носа.

– Пшли вон!

– Идем, Барбос!

Лелик подскочил к приятелю, обнял за плечи, потащил от меня прочь. Тот лениво вырывался, вихляющиеся движения откровенно выдавали, что Барбос закинулся косячком местной шмали – на чуйский или афганский план у наших пацанов бабла не хватит.

– Мы с вами пойдем, мальчики? – пискнула одна из девчонок.

Барбос, держа на весу сломанную руку, завернул такую матерную тираду, что все боцманы мира от зависти согласились бы быть вздернутыми на каких-нибудь бом-брам-стенгах. Лелик оттаскивал его, и через несколько шагов мой неожиданный противник, наконец, сдался и перестал вырываться.

– Так, здесь у нас что? – я повернулся к дворнику. Тот все еще стоял на коленях. – Живой?

– Угу, – только и ответил тот.

Посмотрел я на него, и тут на меня накатило. Ей-богу, так захотелось, точно Лелик несколько минут назад, размахнуться и от души врезать ногой по этому смуглому лицу, перечеркнутому тонкой стрелкой черных усиков. Я же из-за него хер знает в какие проблемы влезаю, а он и пальцем не шевельнул, чтобы вмешаться.

Как накатило, так и схлынуло. Каким-то чудом я сдержался и велел ему:

– Вставай.

Тот покорно поднялся. Тоскливый взгляд блуждал где-то у носков пыльных сапог.

– Ты зачем мне помогал? – угрюмо спросил чурка, не поднимая глаз.

– Хэ бэ зэ, – так же угрюмо ответил я.

– Что?

Прав Барбос: эта нерусь элементарных вещей не понимает. Я тяжело вздохнул и популярно объяснил:

– Хэ бэ зэ значит «Хто бы знал». Доступно?

– Нет, – помотал головой чурка. – То есть это доступно. Зачем помогал – недоступно.

– Да правда не знаю, – едва не выкрикнул я. – Дурак потому что. Я дурак, ты дурак, и мы оба с тобой дураки. И вообще, тебе-то какая разница, представитель, блин, нетитульной нации?

На «представителя нетитульной нации» он, похоже, даже не обиделся, как не обижался раньше на «чурку», «нерусь» и «урода». Они терпеливые, подумал я. Терпели, терпят и будут терпеть дальше, тоже без особой цели, раз за разом покорно опускаясь на колени и точно также вставая с коленей, когда давление чуточку ослабнет. Нет у них никакой надобности торопиться. У них, наверное, даже время течет иначе. И кто из нас прав? Кто больше матери—истории ценен?

Вместо ответа дворник продолжил изучать глазами потрескавшийся асфальт.

– Все, пока-пока. Счастливо оставаться. И учти: в следующий раз я тебя вытаскивать не стану. Сам крутись. Ты, блин, мужик или где?

– Мужик, – обреченно согласился чурка.

Я повернулся и сделал несколько шагов.

Он пошел за мной.

Я остановился и посмотрел на дворника.

– Так. Вроде, все ведь выяснили. Что еще?

– С тобой пойти хочу, – вдруг сообщил он, все так же не поднимая глаз от пыльного асфальта.

– Зачем?

– Нужно.

Этого еще не хватало. Навязался на мою голову. Нет, я понимаю – мы в ответе за тех, кого приручили. Но какого беса этот взрослый тип за мной увязался, как будто я теперь должен заменить ему отца с матерью. Ничего себе перспектива: стать нянькой при здоровом мужике. Или он гомик? Я серьезно, мало ли, как у них там на востоке положено. Я же не знаю, Восток-

то – всем известно – дело тонкое. Или он какой-нибудь скрытый мутант, жертва радиации, хлопнувшей его со всей дури по мозгам? В новом сером мире, что пришел на смену полузабытому многоцветному прошлому, возможно и не такое.

Ну и ладно. У подъезда я его отошью и хлопну дверью перед носом. На кой ты мне сдался, дворник?

Когда мы подходили к подъезду, запиликал мобильник. Я поднес трубу к уху.

– Да, Кать?

– Ты совсем на голову стукнутый? – устало поинтересовалась трубка катюхиным голосом.

– Нет, – осторожно сказал я. – Не совсем. И вообще, по-моему, совершенно не стукнутый.

А что?

– Да то, что ты или псих, или суицидник, – чуть ли не завизжала Катюха.

Мне даже захотелось отшвырнуть мобильник как можно дальше. Я еще не успел ничего сказать в ответ, а Катюха продолжала:

– Зинка позвонила, вся в слезах, говорит, что ты сломал Барбосу руку, а тот поклялся тебя урыть. Вовчик, это правда, что вы с ним из-за какого-то чурки-дворника поцапались?

– Правда.

– Вот, – из катюхиного голоса исчезли визгливые нотки, и в нем прорезалась откровенная тоска. – Вот. А говоришь, что не псих. Зачем я только связалась с тобой, идиотом. Больно ты умный, как я погляжу.

– Катя, – поспешил я вклиниться в возникшую на миг паузу, – ты уж определись, я идиот, или умный, ладно? А с Барбосом договорюсь как-нибудь.

– Конечно, договоришься. Сейчас. А завтра еще что-нибудь выкинешь. Нет, ну на кой тебе этот дворник сдался, кто он там, таджик или узбек? Пойми, Вовчик, я за тебя, конечно, боюсь, все-таки. Но и за себя боюсь тоже. Не хочу быть спутницей жизни вечному борцу за права людей. И ладно, если бы людей, а то лезешь спасать бездомных кошек и безродных приبلуд. Кто следующим будет? Мутант? Извини, Вовчик, но на это я не подпишусь.

Я подумал, что надо сказать хоть что-то, но на панели телефона мигнула надпись: «Абонент прервал разговор». Мои пальцы торопливо нащелкали катюхин номер – в ответ мобильник разразился долгой переливчатой трелью: не хочет со мной разговаривать. Вот еще одна беда на мою голову. Я сунул телефон назад в карман, вынул электронный ключ—таблетку, приложил к считывающему устройству, дождался, пока откроется дверь, и вошел в подъезд. Тут настырный дворник торопливо вставил ногу в щель между косяком и дверью.

– Ты куда? – зло спросил я.

– С тобой. Поговорить хочу, я же сказал, что нужно.

– Мужик, – терпеливо сказал я. – Я тебе помог? Помог. Что еще тебе надо? Из-за тебя я уже поссорился с ребятами, которые не дураки начистить кому-нибудь рыло. Из-за тебя со мной не хочет общаться моя девушка. Может, тебе, все-таки, звездануть с ноги, чтобы ты понял, нерусская морда, что ты не в тему?

И тут, наконец, чурка оторвал взгляд от носков своих сапог и бледно —серого асфальта и посмотрел мне в глаза. Я отшатнулся, таким обжигающим показался мне черный огонь, плеснувший в лицо. Если он может делать такие штуки, подумал я потрясенно, почему же он позволял Лелику с Барбосом так измываться над собой?

– У тебя дома поговорим, – жестко сказал дворник и подтолкнул меня к лестнице. А еще мгновение спустя это был все тот же чурка, ссутулившийся, с бесхитростным тоскливым взглядом, в котором не было никакой силы.

– Он тебя убьет.

Когда я услышал эти слова, то понял: он не просто так говорит. Это не предположение. Это не вывод, который можно сделать из недолгого общения с Барбосом. Это четкое предсказание будущего, причем будущего ближайшего, и цыганским гадалкам и думать нечего тягаться в точности с прогнозом обычного дворника.

Обычного ли?

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, – просто ответил чурка. И добавил:

– Потому что я – ангел.

– Ты псих, – без особой убежденности огрызнулся я. – И я псих, потому что сейчас с тобой разговариваю. У ангелов крылья и нимбы.

– Да? – прямая жесткая линия рта чуть изогнулась, притворившись улыбкой. – Ты много ангелов видел?

– Если ты ангел, почему не улетел на небо, когда они заставили тебя встать на колени? Почему не поразил их огненным мечом? Ты поможешь мне всей своей ангельской силой, когда, как ты говоришь, Барбос придет меня убивать?

Даже тень улыбки исчезла с лица, а в глаза вернулись тоска и затравленность.

– Я падший ангел. У меня нет крыльев, а силы – лишь самая малость. В наказание. Чтобы я никогда не забывал, кем был и кем стал.

Честное слово, если бы не убежденность, с которой он говорил, и, самое главное, не взгляд, которым он обжег меня у двери подъезда, я бы собственноручно выкинул его из окна, а затем пошел к Барбосу мириться. Я плеснул себе в кружку кипятка, ложкой придавил ко дну пытающийся всплыть чайный пакетик и посмотрел в его бесстрастное лицо.

– И за что же тебя наказали?

– За грех. Понимаешь, был Армагеддон...

Я едва не подавился чаем. Закашлялся, торопливо глотая обжигающую жидкость.

– Ты что за пургу несешь?!

– Да не пургу!

Его восточную невозмутимость как ветром сдуло. Он порывисто наклонился вперед, уперся ладонями в стол, приподнялся. Я хотел отвернуться, но не успел – по лицу опять мазнуло знакомым черным огнем.

– Вы проиграли Армагеддон. Да что там проиграли! Вы его попросту не заметили. Были войны, болезни, голод, брат восставал на брата – все было. Ты что же думаешь, на каждом из событий бог аккуратно вешал табличку: Армагеддон, акт третий? Ну уж нет, слышали лишь те, кто имел уши. А мы ходили среди вас и смотрели: ага, вот этот – грешник, такой закоренелый, что с ним и одним воздухом дышать-то противно. А вот этот – да, не праведник, но где ж их, праведников-то, взять? Запишем в Книгу Жизни, он достоин попасть в Царство Божье. И забирали, забирали их с собой, и возвращались за следующими. А я... В какой-то момент я поддался на соблазны того, кого лучше не называть по имени, и отказался выполнять свою миссию. Пришел к престолу и сказал: я не хочу больше судить, ибо как можно рассудить всех на агнцев и козлищ, ведь у каждого своя правда.

– Погоди, – не понял я. – Что еще за престол?

– Что за престол? – удивленно переспросил чурка —дворник. – Божий, конечно. И он отнял у меня крылья и послал в ад.

– что-то я совсем запутался. Причем тут ад? Мы же с тобой...

– Ну ты точно дурак, – перебил он меня. – До тебя до сих пор не дошло? Я же почувствовал твои мысли, когда проходил мимо. Ты еще думал, куда исчезли все люди, с которыми тебе нравилось общаться, почему ты едва помнишь их? Так вот, их забрали. Да-да. На небеса забрали. А остальных оставили. Потому что не заслужили. Нечего Барбосу и Лелику в раю делать. И теперь ад внутри вас, и вокруг вас. Вы сами – свой ад.

– А я? – даже горло сдавило от жгучей обиды. Значит, я тоже, выходит, грешник, и мое место – в пекле, пусть в этом пекле на самом деле нет ни сковородок, ни чертей. – Я-то почему...

Он опять не дал мне договорить.

– погоди. Видишь, даже бог понимал, что всех, кто заслуживает рая, ангелы отыскать не могут. Слишком много вас, понимаешь? Когда он отнял мои крылья и проклял на жизнь в аду, то сказал мне, что есть лишь один способ заслужить прощение. Найти того, кого не смогли отыскать прочие ангелы. Найти забытого в аду человека, достойного спасения, и привести его к престолу. Тогда я буду прощен. Может быть, ты...

Он замолк, а я посмотрел на его лицо и увидел в глазах иступленную надежду.

– Ну предположим... – Я слышал где-то, что с сумасшедшими лучше соглашаться. Давай, я с тобой соглашусь. – Как тебя зовут? По – ангельски?

– Ты не выговоришь. Человеческое горло не может издавать такие звуки. Зови меня Саид.

– Хорошо, Саид. Будем считать, что я и есть тот самый, достойный спасения, о котором в суматохе забыли. Мне это даже нравится. Что дальше-то делать? Как попасть к этому твоему престолу?

– Это не мой престол, – поправил меня чурка, утверждавший, что он – падший ангел по имени Саид. – Это Его престол. А как туда попасть... – он пожал плечами. – Для смертных туда есть лишь один путь. Через смерть.

– Вот это здОрово! – развеселился я. – Ты предлагаешь мне ждать, пока я умру? Вообще-то, я надеюсь прожить еще...

Я осекся, вспомнив стычку с пацанами. «Он тебя убьет», с мрачной убежденностью сказал дворник, и в тот момент я ему поверил. А сейчас? Верю ли я ему сейчас?

Нет, конечно! Какой бред!

– Мне кажется, – сказал дворник, – тебя не ждет долгая жизнь и спокойная смерть в собственной кровати.

– Да? И что ты предлагаешь?

Он не ответил. Только зачем-то посмотрел на открытое окно, в которое, как мне подумалось лишь несколько минут назад, я мог бы вышвырнуть его, чтобы помириться с Барбосом. Я сначала не понял, а потом...

– Ну ты скотина! – взревел я и вскочил на ноги. – Слушай, суицидник, ты какой-нибудь сектант? Нам про раскольников в школе рассказывали, как ихние старцы сначала устраивали сожжения, а потом сбегали через какую-нибудь дыру – оба-на, вернулся с того света, чтобы еще сотню-другую сжечь. Хер его знает, может, у вас тоже такие фишки бывают? Хочешь, чтобы я тебе поверил и в окно выпрыгнул. Неет, дружок, не выйдет. Да какой ты, нахер, ангел! Точно, какой-нибудь мутант недоделанный!

Чурка невозмутимо сидел передо мной. Все с тем же отстраненным выражением на лице, которые, честно говоря, начало мне уже надоедать, он флегматично пожал плечами.

– Я все рассказал. Теперь твое дело, верить или не верить.

– Вот, значит, как ты заговорил? – я вцепился в край стола так, что пальцы побелели. Мне очень хотелось сделать шаг и от плеча вмазать кулаком в это бесстрастное смуглое лицо. – Только не будет по-твоему. Все по-другому будет. Сейчас ты встанешь и уйдешь. Чтoб я больше не видел морды твоей в моей квартире. И всем будет лучше, и тебе, и мне, если ты вообще свалишь отсюда куда подальше, чтобы ноги твоей в нашем квартале не было. А потом я пойду к Барбосу...

– Поздно, – спокойно сказал Саид. – Они уже идут. Ты разве не слышишь: они уже поднимаются по лестнице?

Я замолчал и прислушался. То ли у чурки слух был лучше, то ли он опять обратился к своим загадочным способностям, но сначала я не услышал ничего. А когда я решил, что он

сказал это лишь для того, чтобы оттянуть неизбежное вышвыривание из квартиры, в дверь забарабанили сразу в несколько кулаков.

Я, мысленно кляня и себя, и Барбоса с Леликом, и психанутого чурку, подошел к двери и выглянул в глазок. Точно, Барбос привел с собой еще троих пацанов из коды нашего квартала. Один прийти не рискнул, значит, боится. На мгновение я почувствовал мимолетную гордость.

– Тебе чего, Барбос? – грубо спросил я.

– Открывай, падла, – взревел тот. – Открывай!

Он гулко бухнул в дверь кулаком. Левым. Правая рука, как я мог разглядеть в глазок, висела на аккуратной бинтовой перевязи. И как он только успел так быстро?

– Вован, открой, сука. Мы тебя больно бить не будем, разве что руку ломаем. Все честно, ты мне, я тебе. А чурку твоего мы точно замочим.

– Ну что? – я повернулся к дворнику, называвшему себя ангелом. – Слыхал, что мне Барбос предлагает? Убивать он меня вроде не планирует. Скажи мне, почему из-за тебя я должен ссориться со старым приятелем?

– Так ты же сам сказал, – Саид опустил глаза, изучая старый выцветший линолеум. – Потому что ты – дурак. Ты что, действительно ему веришь?

– Ценный ответ, – хмыкнул я. – Почему бы мне ему не верить?

– Вполне себе ответ, – не согласился он. – Если бы верил, давно бы дверь открыл. А так... – он дернул костлявыми плечами. – Тебе же с ними душно. Ты же сам видишь: они пустые. Одни оболочки, и те едва не насквозь просвечивают. Это разве люди?

Я неожиданно рассердился.

– А ты сам? – заорал я на него. – Ты же, если тебе верить, сам не человек! Что ты о людях знаешь? Указывать тут еще вздумал! Ты, ангелок, когда с небес падал, головой не сильно ли ушибся?

– Эй, вы, там! – заорал Барбос из-за двери и еще раз шарахнул по ней кулаком так, что по всему подъезду разлетелось эхо. – Вован, так тебя за ногу, а потом еще разедак! Ты что, в натуре, не всасываешь, что на всю жизнь от меня в квартире не спрячешься? Открывай, мудила.

Я проигнорировал барбосовы угрозы, отвернулся от двери пошел обратно в комнату, двинув плечом стоявшего на пути дворника.

– Ну? – поинтересовался тот. – Что надумал?

– Позвоню в ментовку. Спасать людей – это, вообще-то, их работа.

– А разве, – поинтересовался за моей спиной Саид, – это по пацанским понятиям, а? Своих-то сдавать?

– Пошел ты, – огрызнулся я, и тут в ментовке кто-то взял трубку. – Да, девушка, я в милицию звоню. Ко мне в дверь ломятся... Что? Да, дверь железная, крепкая? Кому? Мне? Мне двадцать. Их четверо. Что? Но, девушка...

На том конце сбросили вызов. Трубка запульсировала частыми звоночками: пии-пии-пии.

– Вот так, – стараясь выглядеть как можно более спокойным, объяснил я чурке. – Мне сказали, что я молодой здоровый мужчина и должен быть в состоянии сам разобраться в своих проблемах со сверстниками. Милая девушка еще прибавила напоследок: Ну не убьют же они тебя, в конце концов.

Я невесело хохотнул.

Тут на дверь обрушился новый град ударов. Судя по силе и частоте, Барбос повернулся к ней задом и принялся со всей молодецкой дури лупить по двери каблуком.

– Я тебе предложил, – тихо сказал чурка. – Чего ты боишься? Хуже не будет, я тебе обещаю.

– Да? – я пристально посмотрел на него. – Просто я не верю. Ну... Не то, что совсем не верю, но и полностью поверить не могу. Может, для вас, ангелов, это нормально: раз – и на тот свет. А по мне, это как-то не по-людски.

Каблук Барбоса колотил в дверь: бумм! буммм! бумммм! Это начинало действовать на нервы.

– Не веришь, говоришь? Значит, с верой у тебя отношения не сложились, – мрачно прокомментировал чурка.

– Любовь меня сегодня кинула сама, – подыграл я ему. – Теперь можно говорить только о надежде.

– Выходит, – он прищурился, и его узкие глаза превратились в тоненькие-тоненькие черточки, – надежда у тебя осталась?

Хороший вопрос. Спросил бы что попроще. Я вздохнул и обвел взглядом свою клетушку. Давно вышедший из моды и продавленный диван, самодельный книжный стеллаж, старый компьютер, массивный письменный стол с выдвижной тумбой – вот и все, что у меня есть. А есть ли у меня надежда? Да кто ж ее знает-то...

Ну что ж. Коли мне популярно объяснили, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих, займемся-ка мы этим самым спасением. Я с грохотом обрушил на пол табуретку и принялся откручивать ножку. Ножка не поддавалась, пришлось остервенело дернуть ее вправо-влево, после чего резьба поддалась, и дело пошло быстрее.

– Это еще зачем? – чурка присел на корточки рядом, с интересом глядя на то, что я творю.

– Барбос прав, – отозвался я. – Мы не можем сидеть здесь вечно. К тому же, даже если мы с ним и помиримся сегодня, вряд ли он навсегда забудет, что произошло. В этом Катюха полностью права. Вот только в окно мне прыгать не хочется. Не мое, это, понимаешь? Я еще потрепыхаться хочу. Если, как ты говоришь, все равно помирать... Я сейчас открою Барбосу дверь, а ножка от табуретки – это для убедительности. Она хорошая, ножка-то. Табуретка старая, ножка металлическая, тяжелая, и в руке хорошо лежит.

– А потом? – спросил Саид.

– А что потом? А потом – конечно, только надежда. Она, как известно, умирает последней. Если, по твоим словам, к какому-то там престолу попадают после смерти, то лучше уж так, чем прыгать в окно. Мне даже из ада хочется уйти красиво. Русские, блин, не сдаются.

Чурка выслушал меня. Протянул руку к трехногой табуретке, погладил одну из ножек кончиками пальцев.

– Тяжелая, говоришь? – вдруг ухмыльнулся он, и глаза падшего ангела полыхнули черным огнем. – В руке хорошо лежит, да? Нерусские, знаешь ли, тоже не сдаются. Ты же не против, если я одну для себя откручу?

Проще простого

Был обычный городской летний вечер, когда за окном звенят комары и трамваи, ветер несет с улицы запах цветов и выхлопных газов, а луну не видно потому, что горят фонари.

– Ты обещал мне рассказать все, от начала до конца, – напомнила ему жена.

– Было дело, – отозвался он. – Только давай от начала до конца я не буду – слишком долго получится. А ты меня знаешь, мне только дай волю.

– Точно, – рассмеялась жена. – Потом не остановишь. Ладно, пусть будет так, как тебе удобнее.

Она забралась с ногами в кресло, подперла острый подбородочек изящной ладошкой, упревая локоток в подлокотник.

– Давай-давай, – подмигнула она, – я жду.

– Ну что ж... Наверное, все началось с того, что магистр Виллем Кантертайн позвонил в дверь.

Виллем нажал на кнопку звонка. Звонок отозвался противным переливчатым пиликаньем.

С той стороны двери послышались шаги, приглушенный голос спросил:

– Кто там?

– Это я, мастер, – негромко ответил Виллем. – Откройте, пожалуйста.

– Кто – я?

– Вы меня не узнали, мастер? Я Виллем Кантертайн, магистр Четвертого Круга.

Эти слова так странно прозвучали на лестничной площадке, где под ногами – раскопавшаяся плитка, на стенах – грубые слова, а тусклая запыленная лампочка уже не разгоняет ночной тьмы. Все привычное осталось за спиной, когда магистр миновал Врата.

Пышные титулы не имели силы в этом мире, мире, который не был с ними знаком. Силу здесь имела только сила.

Виллем Кантертайн мог надеяться на то, что сила у него есть. Но точно так же он знал, что ее недостаточно. Всей его мощи не хватит, если Ночная Стража настигнет мага, самовольно покинувшего стены Орлиного Гнезда. Однако магистр Кантертайн видел Меч и слышал Песню. А потому дороги назад уже не было.

Распахнулась дверь. Невысокий лысый человек в вылинявших спортивных штанах, продранных на коленях, и в обвислой майке схватил Виллема за рукав и втащил в квартиру.

«Боги! – подумал потрясенный Виллем, – что же стало с вами, мастер?»

Но несмотря на ужасающий внешний вид мастера Дарика, магистр чувствовал струившуюся вокруг него мощь. Тот, кто способен был видеть, мог разглядеть грозное облако, клубившееся вокруг сухонькой фигурки.

– Заходите, заходите, – торопливо проговорил мастер Дарик. – Нет, что вы, только не через порог... В этом мире, видите ли, так не принято. Суеверие, конечно, но кто знает... И, Виллем дорогой мой, ради бога, тише, жену не разбудите – ей завтра на работу ни свет, ни заря.

Виллем разулся в небольшой тесной прихожей, осторожно, стараясь не шуметь, прошел в узкую дверь и очутился на крохотной кухоньке, где уже суетился хозяин, заваривая чай в маленьком пузатом чайничке, разрисованном синим цветочками.

Да, это отнюдь не похоже на его покои в Орлином Гнезде, вознесшейся под небеса горной твердыне магов. Там были анфилады комнат, кабинеты, гостиные, залы для медитации, высокие арки с шелковыми занавесями служили проходами, на каждой занавеси трепетали серебряные колокольчики, нежно звеневшие, когда их перебирал ветерок...

А теперь мастер довольствуется клетушкой, в какой постыдился бы жить беднейший крестьянин. Еще и жену нашел в этом мире.

Может, таково его счастье? Что делать, если он не захочет вернуться? Ведь он им так нужен! Но, с другой стороны, здесь он свободен, а там? Что – там? Там шаткое равновесие между магами Орлиного Гнезда и Тираном держится лишь на том, что обитатели горной твердыни выторговали у него свободу в пределах своей собственной крепости. Выйди за ворота, и, рано или поздно, тебя настигнет Ночная Стража

– Садитесь, магистр, – мастер Дарик указал гостю на трехногий табурет, даже с виду жесткий и шаткий, – чаю попьем.

– Боже мой, – улыбнулась жена. – Так ты его чаем поил? Ты же его заваривать не умеешь!

– Ладно тебе. У вас в мире большинство уверено, что чай – это подкрашенная теплая вода, в которую кладут сахар. Поверь мне, у меня выходит, по крайней мере, не хуже. Тем более, что в ту ночь Виллему было все равно, что пить. Он не за этим пришел.

Ночь черным бархатным покрывалом укутала ночное небо, звезды рассыпались по нему серебряными колючками, и полная луна тоже нашла себе место. В ту ночь стрелки висевших на стене часов показывали три часа.

И это было правдой.

– Они все уже приготовили – и Бард, и Кузнец. Мастер, у нас есть Песня и Меч. Что еще нужно для восстания?

– Вождь, – не поднимая головы, проговорил мастер Дарик.

– Именно. Именно! Любой может Желать, но не каждому дано сделать так, чтобы все Желали одного. А пока мы все разобщены...

Магистр Кантертайн замолчал.

– И зачем вы пришли ко мне, магистр? – спросил мастер Дарик, глядя куда-то в сторону. Он упорно не хотел встречаться глазами с взглядом гостя.

– — Но..., – как-то растерялся Виллем. – Мастер, вы могли бы... Вы – тот человек, которого послушают все. Который скажет, чего мы должны Желать. Как этого добиться.

– Виллем, дорогой мой, – хозяин заговорил с гостем так, словно старый умудренный опытом отец поучал недотепу-сына, – а в вашу магистерскую голову никогда не приходила мысль о том, что если бы я мог так поступить, то давно уже возглавил ваше восстание. Да нет, почему же ваше? Я бы свое поднял. Мчался бы впереди на белом коне, за мной – рыцари в сияющих доспехах, Ночная Стража в ужасе расползается по норам, Тиран, не в силах противостоять моему Истинному Желанию, выпивает яд... Красивая картинка, да?

– Но тогда почему...?

Мастер Дарик вздохнул.

– Видите ли, разлюбезный мой магистр Четвертого Круга, многие считали, что мастер Дарик отправлен в этот унылый серый мир в ссылку. Что Ночная Стража вышвырнула меня сюда и зорко бдит – не соберусь ли я обратно. Другим мнилось, будто я попросту испугался узурпатора и бежал сам. А по правде говоря...

– Так что же на самом деле?

Станный выходил разговор. То оба собеседника понимали друг друга с полуслова, то перебивали, не дослушав, то переспрашивали, боясь, что не уловили самую суть. Виллем поставил локти на стол, возложил подбородок на сцепленные ладони, подался вперед, жадно ловя каждое слово мастера Дарика.

– Точно хотите знать правду? Не испугаетесь? Да что это я, впрочем... Коли Четвертый Круг, то не испугаетесь. Дело в том, что Вождь не объединяет все Желания в одно, как многие думают. Он просто настолько сильно хочет, что его Желание подавляет все остальные. Потому

что прочим людям кажется, что его Желание – такое же, как у них. Ну, самую чуточку отличается. И вот эта чуточка, на самом-то деле – решающая. Да, его мечта похожа на те, что у других, и потому включает их в себя. Потом-то люди спохватятся, но будет поздно. А Вождь, тем временем, превратится в Тирана.

– Что? Так просто?

– Разумеется, – кивнул мастер Дарик. – Вы что, никогда легенды не слышали про дракона и того, кто его побеждает, а потом сам драконом становится? Виллем, Виллем... А еще Четвертый Круг.

– И поэтому...

– Конечно. Ну, возглавлю я восстание. Ну, победим мы. Ну, воссяду я на трон. Так оглянуться не успеете – а у вас уже новый Тиран. Ничего не меняется, Виллем, честное слово.

В белых с золотым узором по ободку чашках тоскливо остывал забытый чай. Стрелки флегматично отмеряли время. За окном изредка взрыкивали одинокие автомобили.

– И никак нельзя...

– Почему? Можно, конечно. Например, чтобы все Желали, чтобы Вождь пришел, победил – и ушел. Не попросив награды, не превращаясь в живого кумира, без всяких там статуй на площадях и восторженных процессий. Чтобы собрался и ушел на рассвете, захватив с собой лишь пыльный дорожный плащ да меч в потертых ножнах. Но, боюсь, в вашей Песне все сказано вовсе не так. И к Мечу ножны, разумеется, не простые, а в золоте да в камешках. Так ведь?

Виллем нехотя кивнул.

– Но, мастер, неужели нельзя что-нибудь придумать? – спросил он. – Вы уж придите, помогите нам – а там видно будет.

– Правильно, Виллем. Хороший подход. Сначала ввяжемся в бой, а там – будь что будет. Я к вам приду, свергну Тирана, а потом вы начнете свергать меня. Кого же, интересно, вы призовете для этого?

Магистр ничего не ответил. В ночной тишине он слышал, как бьется сердце. Оно отстукивало ритм, в котором Виллем слышал – тщетно, тщетно, тщетно. Все тщетно. Неужели мастер не согласится? Он – последняя надежда, без Дарика все обречено.

– Дайте мне время подумать, – неожиданно сказал мастер. – Если я соглашусь, то приду через семь дней. Но если вы не дождетесь меня до восхода – забудьте дорогу сюда. Да, есть еще некоторые мелочи, но о них я говорить не буду – не к чему забивать вам голову.

Вернувшись в Орлиное Гнездо, магистр Виллем развил бурную деятельность, стараясь использовать отведенное ему мастером Дариком время с максимальной пользой. О том, что случится, если будущий Вождь все же не придет, Кантертайн старался не думать.

– Скажи, – спросила жена, – ты на самом деле размышлял целую неделю?

– Нет, конечно. На самом деле, решение-то я принял почти сразу. Но надо было дать время Виллему.

Мастер Дарик пришел в Орлиное Гнездо тихо, спокойно и буднично. Проскользнув мимо летучих мышей, верных соглядатаев Ночной Стражи, он подошел к воротам, негромко постучал дверным молотком и сказал выглянувшему стражнику:

– Дорогой мой, будьте добры: передайте уважаемым магистрам, что к ним пришел мастер Дарик.

Долго стоять под дверьми ему не пришлось.

Все уже было готово, ждали лишь, явится он или нет. Теперь же, когда восстание обрело Вождя, почтовые стрижи разнесли эту весть, и по тайным горным тропкам, по неприметным

лесным стежкам потянулись к Орлиному Гнезду повстанцы, то поодиночке, а то группами, во главе с суровыми молчаливыми жожаками.

Мастер, вернувшись в свои покои, переделался из потертого джинсового костюма в привычные тунику и мантию, сменил кроссовки на поскрипывающие кожаные сапоги. Вскоре ему принесли Меч, и мастер надел перевязь с ножами.

– А где Кузнец? – спросил Дарик.

– Занят, – ответили ему. – Понимаете, мастер, восстание. Нужно ковать много оружия.

– Ну-ну, – понимающе хмыкнул Вождь.

Вечером третьего дня, если считать от возвращения Дарика домой, армия мятежников окружила Черный Замок.

После военного совета мастер Дарик долго бродил по лагерю. У костров его радостно приветствовали, теснились, освобождая место, предлагая перекусить вместе с ними, чем бог послал, угощали вином. Дарик пробовал ложку-другую варева, вежливо отхлебывал из простецких оловянных кубков, улыбался шуткам и шутил сам. То тут, то там барды пели Песню, и при ее звуках мгновенно суровели вчерашние крестьяне, принимались подтягивать тетивы луков, проверяли пальцем остроту клинков. Тот, кто сложил Песню, постарался на славу. Сам Дарик, всегда слывший скептиком и вольнодумцем, любившим подчеркивать свою независимость и отстаивать ее, даже если на нее никто не покушается, принимался отстукивать ритм кончиками пальцев по пряжке ремня. Только порой предводителю восставших казалось, что при его приближении барды замолкают, не всегда допевая до конца. Ну что ж, это их бардовское дело. Не хотят петь – пускай их, мастеру достаточно тихого треньканья струн, ласкаемых умелыми гибкими пальцами.

Виллем подошел сзади, осторожно тронул мастера за плечо. Дарик обернулся.

– Да, Виллем?

– Мастер, негромко сказал магистр, – шли бы спать. Завтра – бой. Не стоит ли отдохнуть?

– Да я еще не устал, – улыбнулся мастер.

Но спорить не стал и отправился в свой шатер, где лег в постель и быстро заснул. Ему снилась жена.

– Что, правда? Врешь ведь! Льстишь! Приукрашиваешь!

– Докажи!

– Как?

– Не знаю. А я про эту вспомню... как ее... презумпцию невиновности. Фу, какое слово придумали – презумпция. Язык сломаешь, пока выговоришь.

– Ладно-ладно, подсудимый, когда-нибудь вы еще признаетесь в совершении ужаснейшего на свете преступления: обмане жены. А пока – прошу вас, говорите дальше.

Утро радовало синим небом, желтым солнцем, ласковым ветром, вкусным завтраком. «Не так должна выглядеть война», подумал Дарик, жуя теплую свежую булочку. «Слишком жизнерадостно. Тем мрачнее будет контраст, когда прольется первая кровь. Лучше уж – чтобы небо заволокло тучами, да еще дождь, и ледяной ветер до кучи, и много-много воронов за компанию. А лучше всего – белый флаг над главной башней Черного Замка».

И тут запели трубы, распахнулись ворота Черного Замка, и белый флаг взмыл в небо над выехавшей процессией. Трое рыцарей на огромных черных жеребцах, закованные в глухие вороненные доспехи, в клювастых шлемах с опущенными забралами двинулись к осаждающим. Дарик ожидал этого.

Прибежал Виллем, успевший надеть поверх измятого черно-зеленого камзола серебристую кольчугу и опоясаться мечом.

- Мастер, – еще издалека крикнул он, – мастер, Тиран предлагает перемирие.
- Зачем? – равнодушно спросил мастер.
- Он хочет вести переговоры о сдаче. Но передает, что будет говорить только с вами.
- Переговоров не будет, – сказал Дарик. – Виллем, дорогой мой, это исключено.
- Но почему? – растерялся Кантертайн. – Если он сдастся... Мы можем сохранить жизнь нашим людям.

– Магистр, – твердо повторил Дарик. – Переговоров не будет. Мы будем штурмовать замок. Вы просили меня прийти и стать Вождем, и я считал, что это значит – вы будете слушать то, что я вам говорю. Если я понял владык Орлиного Гнезда неправильно, то готов вернуть Меч и вернуться домой. С песней, правда, сложнее, из нее, как говорится, слова не выкинешь... Но, думаю, милый мой магистр, вы что-нибудь придумаете.

– Что вы, что вы, – смутился Виллем, – я не это имел в виду. Не будет переговоров – значит, не будет. Сейчас, передам ваш ответ парламентарам.

Он убежал обратно, сутулясь, меч путался у него в ногах. «Зачем он вообще взял оружие», подумал Дарик. «Когда мудрец пытается выглядеть как воин, это порой очень смешно. Хотя... Интересно, а как со стороны выгляжу я?»

Войско строилось для битвы. Двигались полки, специально отобранные воины несли лестницы, другие выкатывали катапульты, бросавшие в Черный Замок тяжелые камни или горшки с горючей смесью, прочерчивавшие небо черными дымными полосами. Тучи стрел взметнулись ввысь, осыпали несокрушимые мрачные стены. Оттуда ответили – тоже стрелами, камнями, горшками с горючей смесью.

Осаждавшие подкатили к воротам таран, осажденные окатили его кипящим маслом. Кто-то истошно кричал, катаясь по земле, а кто-то падал, не успев издать ни звука.

Так начался штурм.

– Страшно было? – спросила жена.

– Не очень. Было как-то тяжело на душе. Я-то знал, что для меня все кончится хорошо. Ну а те, кто шел за нами... Да что там «за нами» – за мной, конечно... Многим из них пришлось умереть.

– Ты так был уверен в себе?

– Ну, ты же знаешь – я не в себе был уверен, а совсем в другом человеке.

– Пока все в порядке, – сказал Виллем. – Только потери... Больше, чем мы ожидали.

– Кровь – это неизменная монета, которой платят за свободу, – отозвался Дарик. – Наверное, нам пора.

Маги Орлиного Гнезда вступили в бой. Сторонний наблюдатель ничего бы не понял, подумал бы просто, что – вот, стоят пожилые люди, некоторые стары настолько, что опираются на высокие резные посохи, и смотрят на разворачивающееся сражение. Но именно в этот момент Желания восставших волшебников столкнулись с Желаниями тех, кто оборонял Замок. Некоторое время Ночной Страже удавалось держаться. А потом в дело вступил мастер Дарик, и сопротивление осажденных стало слабеть. Очередной удар тарана, подкрепленный Желанием Вождя повстанцев, расколол, наконец, ворота. Несколько минут спустя рухнула одна из привратных башен, хороня под обломками воинов обеих армий. Когда осела туча пыли, в стене открылся неровный пролом.

– Это часть дела сделана, – спокойно сказал Дарик. – Идем внутрь?

Гремела Песня, а в руке Вождя сиял Меч, и повстанцы умирали с именем мастера Дарика на устах. Мятежники ворвались во двор Ночного Замка, рассыпались по протянувшимся вдоль стен галереям, насмерть рубились в узких коридорах, выкуривали защитников

из башен. Куда бы ни посмотрел мастер – землю покрывали трупы. Одни – в простых коричневых крестьянских кафтанах, другие – в черных доспехах.

В воздухе свистнула стрела, метя в неприкрытое кольчугой горло Дарика. Видно, кто-то из уцелевших черных лучников решил попытаться переломить исход битвы, убив предводителя восстания. Он не знал, что сила, которая вела мастера, стояла выше любой случайности. Вождь уловил движение стрелы едва ли не раньше, чем она сорвалась с тетивы, Пожелал – и оперенная смерть ушла в сторону, бессильно клюнула наконечником камень, а лучник схватился за горло и упал замертво.

Вперед, вперед, уже бегом – по коридорам Замка, туда, где на резном каменном троне сидит Тиран, захвативший власть силой, загнавший в рабство собственный народ, задушивший его налогами, додумавшийся продавать должников людоедским племенам, заживо сжегший депутацию жрецов, пришедших молить его о снисхождении... Справа из двери выскакивает рыцарь, бьет наотмашь мечом – клинок ломается у рукояти, человек хватается за сердце и сползает по стене, сдирая спиной древний гобелен, путаясь в нем... Сегодня никто не может противостоять Дарику.

– Значит, ты тоже убивал, – глухо проговорила жена.

– Давай не будем об этом, – так же глухо ответил он. – А то мы так договоримся до того, что убивал не только я. Но и кое-кто еще.

– Хорошо, – послушно соглашается она. – Больше не буду.

А вот и личные покои Тирана.

Дверь была открыта, но вход преграждали четверо в глухих черных балахонах с капюшонами, надвинутыми на глаза – элита Ночной Стражи, маги-ренегаты, отступники, покинувшие Орлиное Гнездо ради службы Тирану. Было время, Дарик ел с ними за одним столом, вел высокоученые беседы, радовался их успехам и огорчался неудачам. Да, когда-то он даже знал их имена, а теперь они – всего лишь безликий враг.

– Сдавайся, мастер, – глухо проговорил тот, что справа. – Сдавайся, и тебе сохранят жизнь. Стоит Лорду Тирану вступить в бой, и ваш глупый мятеж...

Дарик не стал слушать дальше, он повел рукой, слева направо. Это не было каким-то особенным магическим жестом, исполненным некой мощи. Просто мастеру так было удобнее.

А Ночная Стража исчезла, словно ее и не было. Никаких огненных шаров, бьющих по глазам вспышек, оседающих на землю обугленных балахонов – только вот стояли перед дверью люди, а теперь не стоят.

Мастер ворвался в тронный зал.

Как он и ожидал, Тиран сидел на каменном троне, невысокий, лысый, одетый в такие же вороненные доспехи, как и его воины. Вождь мятежников никогда не видел трона своими глазами, и теперь, когда вытесанное из цельного камня сиденье предстало его взору, он даже подумал: «Боже! Он ведь, наверное, жесткий и холодный. Зачем так-то?»

– погоди, – быстро проговорил Тиран, – я Желаю...

На бегу Дарик метнул в него Меч – и Пожелал.

Клинок, усиленный волей мага, пробил доспехи и вошел в сердце, толчком выметнулась багровая кровь, убитый повалился на пол.

Есть победы, которые не радуют сердце.

«Извини, брат, – подумал мастер, останавливаясь. – Будь проклят этот мир, где жажда власти разводит братьев по разные стороны баррикады. Я-то знал правильный ответ, ведь все так просто – а ты мне не верил, ты искал что-то сложное и запутанное, узел, который тебе хотелось разрубить. И вот запутался сам, предоставив мне разбираться с этим узлом. Ты-то

лучше всех знал: ушел я лишь потому, что боялся – ты Пожелаешь, а я не смогу не выполнить. И стану таким же, как ты».

Твое правление, брат, было подобно тому самому каменному трону. Жесткое и холодное. Бездушное. Ни единого мига любви. Гнетущая тяжесть. Затхлое удушье. Врут все, что власть портит человека. Это наивное оправдание – мол, не я это, это все она, мерзкая, стылая, безликая надчеловеческая мощь, она раздавила меня... Но нет, все не так: там, где нет людей – нет власти, и поэтому власть никогда не даст человеку ничего, кроме того, что уже есть в нем. Ей остается лишь усилить это. Лишь так она искушает.

На подгибающихся ногах, ежесекундно спотыкаясь, точно слепой. Мастер двинулся к трону. Он хотел забрать Меч.

– Стойте, мастер, – раздался сзади срывающийся голос Виллема.

Дарик остановился. Спросил, не поворачиваясь:

– Виллем, дорогой мой, но хоть Меч-то мне взять можно.

– Меч – можно, – голос магистра Кантертайна был напряжен до предела, как натянутая струна, которую тронь только – и она лопнет, больно хлестнув оборвавшимся концом по пальцам. – Но не подходите к трону, мастер, прошу вас.

– Да я и не собирался, – лишь в этот миг мастер понял, как он устал. Все-таки он уже стар.

Дарик вытащил Меч из тела брата, вытер его, с лязгом вдвинул в ножны – и только тогда обернулся. Магистр Виллем стоял в паре шагов, неумело сжимая в руках обнаженный клинок, и даже отнюдь не наметанный взгляд Вождя подсказывал: оружие выковано наспех, но настоящим мастером своего дела.

– Значит, у вас тоже есть Меч.

Виллем кивнул.

– И Песню новую успели сочинить?

– Сочинить – не успели. Проще было дописать старую. Всего пара куплетов...

– Хотел бы я услышать... А, впрочем, не нужно. Да не собираюсь я на трон садиться, дорогой мой магистр, успокойтесь. Хотите поговорить? Пойдемте к окну, воздух здесь какой-то... окровавленный.

– Смертью пахнет, – сказал магистр, возвращая свой клинок в ножны. – Боюсь, этот запах меня теперь будет долго преследовать. Первый раз видел войну. Какая гадость...

– И что, – спросила жена, – неужели он действительно готов был драться с тобой?

– Вообще-то, они правильно дописали свою Песню. Просто добавили слова о том, что вслед за Вождем пришел еще один Герой, который уговорил Вождя пойти куда-нибудь, – мастер усмехнулся, – подальше. Например, домой. На грядках копать, как Цинциннат.

– Как кто?

– Про него я тебе потом расскажу. Ну, или в Интернете посмотри.

Замок был в руках восставших, последние защитники либо бросали оружие, либо забивались в норы. Победители срывали флаги Тирана и вывешивали вместо них свои. В узкое стрельчатое окно виднелась горящая башня, завесившая всю северную сторону замка черным дымным полотнищем. Снизу доносилась наспех сложенная песня, красочно расписывавшая штурм. Про Дарика тоже не забыли, приписав ему пару каких-то совсем уж несусветных подвигов.

– Да я и так уйду, Виллем. Честное слово. Только не торопите меня, пожалуйста.

– Как? – недоверчиво спросил магистр. – Вы же говорили...

– У меня есть жена, и она, видите ли, меня любит. Вы, Виллем, любезный мой, тогда ушли рано, не дождались, пока она проснется – вот и не познакомились.

Мастер Дарик надолго замолчал, глядя в окно.

Молчал и Виллем, рассматривая, как тушат пожар в башне.

– Вы все, там, у себя, в Орлином Гнезде, так и не поняли до сих пор одного, – наконец, заговорил Дарик. – В мире существует закон. Назовем его, к примеру, закон сохранения желаний. Вы знаете, что маг – это тот, кто умеет Желать по-настоящему. По-настоящему – это чтобы получалось. Помечтал – и вот она, твоя мечта, у тебя в руках, реальная, осязаемая, хочешь – ешь, хочешь – пей, хочешь – голову откручивай... Ну, это уже что кто пожелает. Только вам неведомо, что Пожелавший в уплату за это должен выполнить Желание другого человека. Впрочем, теперь этого, кроме меня, наверное, никто не знает – а то все было бы еще сложнее, чем сейчас. Вы, великие маги из Орлиного Гнезда, просто не представляете, сколько вы задолжали. Есть только одно ограничение: такое Желание должно быть высказано магу в лицо.

– Это... очень интересно, мастер, – напряженно проговорил магистр Кантертайн, – особенно если это – правда, но какое отношение...

– Не торопитесь, милый Виллем. Доказать свою правоту я могу в любой момент. Давайте позовем сюда любого из наших храбрых воинов и попросим его вслух, вам в лицо что-нибудь пожелать. Я вам гарантирую – вы не захотите, а сделаете то, о чем вас попросят.

– Не может быть!

Магистр выглядел потрясенным.

– Он не маг! Только маги могут Желать!

– Спорим? – хитро улыбнулся Дарик. – Проверим, насколько вы азартны, мой милый магистр?

– Не стоит, – нехотя махнул рукой Виллем. – Попробую поверить вам на слово. Все-таки, вы так убежденно говорите...

– Ну так вот, продолжу, с вашего разрешения. Недолго уже осталось, так что уважьте старика, потерпите. Как уже говорилось, я тоже задолжал людям немало желаний. Когда моя жена услышала эту историю – я ведь ей раньше ничего не говорил, она считала меня просто пожилым журналистом средней руки, а не Великим Магом, мастером, которому скоро – четыреста лет...

– Постой, – запротестовала она, – про четыреста лет ты мне не говорил. Недавно, вроде, было двести пятьдесят.

– Серьезно? Ну, ошибся, извини. Когда столько лет проживешь, то можно и забыть, сколько тебе на самом деле.

– Журналист? – переспросил Виллем.

– У нас нет такого занятия. Пока нет, по крайней мере. Так вот, она поверила мне сразу же, без единой оговорки. И когда я сказал, что должен уйти – пожелала, чтобы я вернулся. Так что я теперь не могу не вернуться.

Дарик снова улыбнулся своей хитрой улыбкой и торжествующе посмотрел на Виллема.

– И что, все так просто?

– Конечно, дорогой мой магистр Четвертого Круга. Мир вообще устроен просто, это мы, люди, зачем-то делаем его сложным. Понимаете, ее Желание привело меня к победе, ведь чтобы вернуться, я должен был выиграть. Вот я и выиграл, и мне осталось только избавить вас от своего присутствия.

– Когда? – недоверчиво спросил Кантертайн.

– Да хоть сейчас, – устало проговорил мастер. – Дорогой мой Виллем, ну что мне сделать, чтобы вы поверили? Взять и уйти? Признаться, я бы хотел еще немного поговорить. Впрочем, вот, держите.

Дарик неторопливо вытащил из ножен Меч, перехватил его за клинок и протянул магистру Кантертайну. Тот сначала отстранился, затем удивленно взглянул на оружие – и взял его.

– Извините, мастер, – виновато сказал он, – все-таки вы и Тиран... Вы же братьями были.

– Обязательно надо об этом напоминать? – сухо спросил мастер. – Да, так вот вышло. И, между прочим, тот закон, о котором я вам поведал – мы ведь его вдвоем открыли. Теперь понимаете, почему не могло быть никаких переговоров? Он ведь тоже знал, что всего-то и нужно – Пожелать в лицо. А мне страсть как не хотелось выяснять, кто успеет Пожелать быстрее. Как два ковбоя – кто раньше кольт вынет.

– Кто такие ковбои?

– Это из другого мира, магистр. Вернее, из его истории. Ну что, теперь верите мне?

– По крайней мере, – Виллем смотрел Дарику в глаза, – стараюсь.

– И то не плохо.

– А скажите, пожалуйста, мастер...

– Что?

– Если одного человека попросят выполнить два Желания? Такие, что противоречат друг другу. Скажем, жена попросила вас вернуться, а Тиран – например, чтобы вы служили ему.

– Тут тоже все просто. Этот человек умрет. Как – не знаю, но искать ответ на этот вопрос мне, почему-то, не хочется. Лучше вы меня вот в чем просветите: куда, милый мой Виллем, согласно новой Песне, должны деться вы?

Наконец-то мастер с облегчением увидел, как его собеседник расслабляется, перестает из всех сил стараться выглядеть суровым. Превращается в обычного человека, в простого такого магистра Четвертого Круга. Нет, не походил Кантертайн на Героя, как бы не пытался. Ну что ж, не всем быть героями.

– Как куда? Вы же сами подсказали: однажды рано утром я уйду, взяв только пыльный дорожный плащ и меч в потертых ножнах.

– Вы не совсем поняли меня, любезный мой Виллем. Куда вы уйдете – то есть, где вы станете жить после того, как покинете этот мир?

– Вот об этом мы не подумали, – признался Кантертайн. – Сами же знаете: все нужно было сделать всего за неделю.

– Так я подскажу вам еще раз. Садитесь пока что на трон, милый магистр, и правьте. Судите, разрешайте, запрещайте. Вы же прекрасно знаете – от того, что мы с вами победили Тирана, по сути, изменилось-то немного. Не наступит сразу всеобщей любви, не возлягут лев с ягненком рядом, трусость останется трусость, подлость – подлостью, и те, кто перебрал с вечера лишку, утром все так же станут просыпаться с головной болью. Но когда вы поймете – все, пришло время... Тогда знайте: есть дом, где всегда рады видеть вас. Ну а теперь, дорогой мой Кантертайн – прощайте. И помните, что я сказал вам.

Мастер оттолкнулся ладонью от подоконника... или оттолкнул от себя подоконник, а с ним и весь этот мир, где ему опять не было места. Сначала родной брат изгнал его, теперь отвергали те, кому он помог. Дарик знал, что больше никогда не вернется сюда, не для него теперь – Орлиное Гнездо, шелестящие листвой леса, пенный морской прибой, дожди, пузырящие поверхность чистых горных озер... Его ждет мир серых однообразных многоквартирных монстров, черных асфальтовых дорог, грязных серых сугробов.

Ну и ладно. Ну и пусть. Ведь у него был дом, где ждали его и любили, и большего сейчас Дарик не хотел.

– Ты, все-таки, любил этот мир? – спросила жена.

– Наверное, – мастер кивнул головой.

Пройдя Врата и оказавшись в своей квартирке, он вновь переоделся в серый шерстяной свитер, надел поношенные домашние брюки, сунул ноги в потертые шлепанцы, а сапоги и мантию сжег, выехав за город.

Расставаться – так навсегда. Прощаться – насовсем. Рвать связь – полностью. Еще чуть-чуть – и в этой сказке будет поставлена точка.

– Это конец, да? Все? Больше ничего не было?

– Еще не совсем конец, – сказал Дарик – Думаю, что эта история закончится тем же, чем и началась: звонком Виллема в нашу дверь.

И мастер с женой неожиданно вздрогнули (хотя им казалось, что они к этому готовы), когда по квартире пронеслась переливчатая трель дверного звонка.

Дверь

Еще вчера ее не было.

В чем, в чем, а вот в этом Данил не сомневался ни мгновения.

Вчера был пустынный пляж в маленькой бухточке и прозрачно-зеленые волны, что накачивали с монотонным шипением на берег. Был вечер с острыми колючими звездами на черном небе. Сначала пили, потом купались – с хохотом и брызгами, потом снова пили: парни – водку, девчонкам из гусарской предупредительности купили вина; но они, из приличия похлебав купленную Витьком молдавскую дешевую кислятину, тоже налегли на водку. Визжали Танюшка, Маришка и Натаха, визжал привезенный Серегой магнитофон, визгливо ржал Витек. Потом все разбежались по палаткам, и вплоть до самого утра из соседних палаток доносились стоны и аханья – такое ощущение, словно участвовал в групповухе, в которой все парочки из приличия отгородились друг от друга шторками.

Все это время двери не было.

А теперь она появилась.

Стояла посреди пляжа, обтянутая рваным черным дерматином дверь, каких полно в любом доме, вставленная в такую же насквозь банальную деревянную раму.

Матово бледнела потертая кнопка звонка.

Дверь упиралась основанием в песок, и – Данил сразу понял еще одну ненормальность – не отбрасывала тени, хотя синеву неба не пятнала ни одна тучка. Солнечные лучи бесследно тонули в черной обивке.

– Ребята, это что? – как-то глуповато пискнула одна из девчонок. – Это вы принесли, да? Приколоться, типа?

Снова стало тихо, ни один из шестерых не сказал ни слова.

Дверь стояла, слегка поскрипывая, когда налетал особенно сильный порыв ветра.

Белые барашки волн, все так же нежно шурша, наплзали на берег.

Витек, здоровенный голубоглазый и светловолосый блондин, явный потомок не то викингов, не то эсэсовцев, облапил Танюшку, тоненькую, смугленькую, в зеленом микрокупальничке, и негромко протянул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.